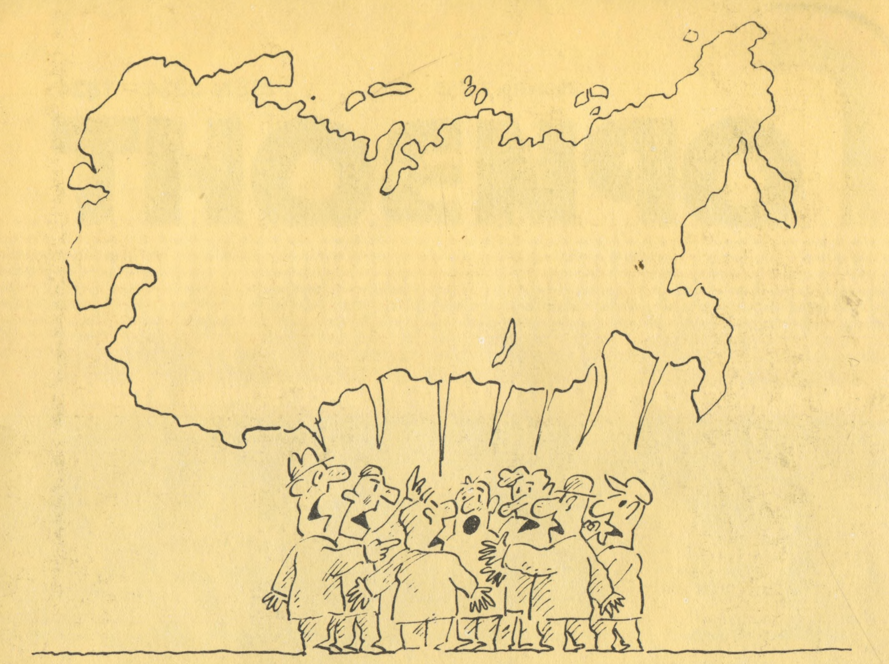
Индекс 73755
ISSN 0234 – 1824

ГОРИЗОНТ

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

4
1991

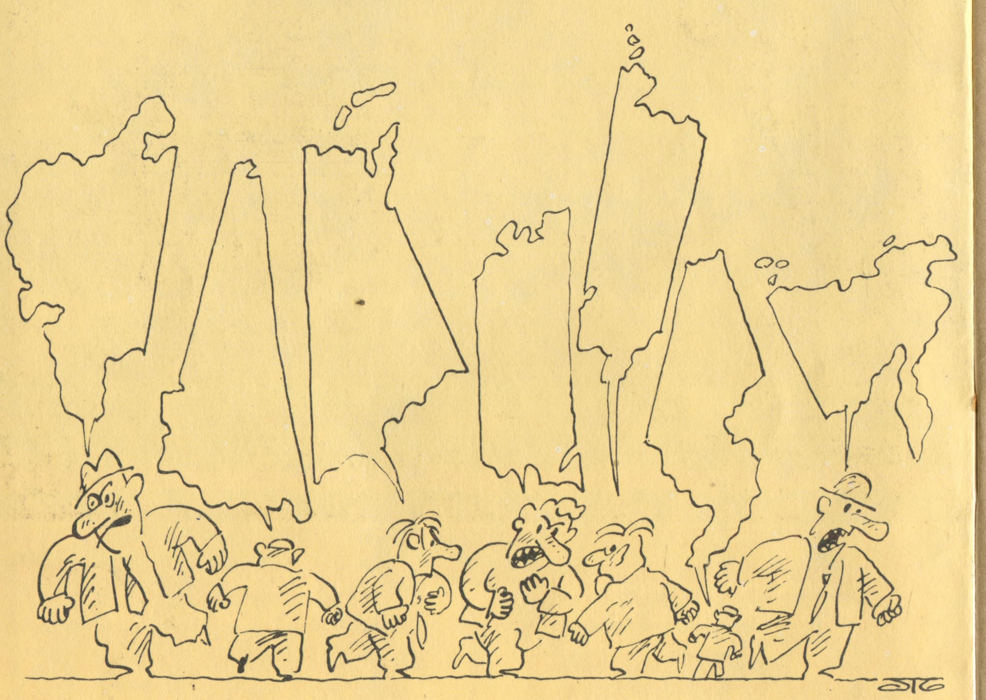

Рисунок Олега Теслера

ISSN 0234-1824

Горизонт

4 · 91 ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42.

Сдано в набор 25.02.91. Подписано к печати 21.03.91. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально - рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 6,12. Тираж 100 000 экз. Заказ 1660. Цена номера: по подписке — 50 коп., в розницу — 70 коп.
Малое издательское предприятие «Горизонт». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий» 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

СОДЕРЖАНИЕ

На первой странице обложки и вкладках номера: живопись Льва Табенкина
Ответы на кроссворд, опубликованный в № 3, см. на с. 48.

Владимир Корнилов

ИСЦЕЛЯЮЩАЯ РОЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Такое заглавие несколько пугает: не слишком ли много берет на себя литература? Но вспомнив, сколько русских писателей было уничтожено государством, убеждаешься, что это как раз и свидетельствует об огромном влиянии литературы. В эпоху, когда десять заповедей перестали надолго существовать (в школах их не проходили), им учила русская литература; то есть она в какой-то мере заменяла нам религию, помогала не впасть в цинизм, не идти на компромисс с властью.

Вместе с тем, этот писательский мартиролог говорит не только о влиянии нашей литературы, но и о ее тесной связи с историей, с политикой. Иначе зачем было бы властям так преследовать писателей?

Наверное в более благополучных странах люди не столь увлечены политикой, как у нас. Оно и понятно: их судьбы менее зависят от политических событий. А у нас приход к власти политиков даже масштаба Лигачева чреват серьезными последствиями для каждого отдельного человека. Словом, говоря о русской литературе, нельзя не задуматься о русской истории, а это, в свою очередь, заставляет коснуться вечных вопросов: почему в других странах люди создали себе сносную, пусть с оговорками, по сравнению с Россией, жизнь? (В Англии, например, с XIII века существует парламент, а в Польше даже при Сталине сохранилась церковь.)

Однако в поисках причин (от монгольского ига до октябрьского переворота) мы редко оглядываемся на самих себя. Мало кто задумывается над тем, почему народ, способный ценой неимоверных жертв разгромить любого захватчика, трепещет перед мелким начальством? Почему личное достоинство, гражданское самосознание в народе подавлены, нравственные критерии размыты? В чем же причины всех несчастий русской истории? Как случилось, что Россия, начинавшая свой путь нормальным, можно даже сказать, правовым государством, попала в историческую трясину, из которой мы и по сей день не можем выбраться? Ведь Новгород и Псков были вольными ганзейскими городами — ничто, казалось бы, не предвещало их гибели. Как удалось Ивану Грозному разграбить и сжечь эти города? А как разрешили русские люди отменить Юрьев день, после чего в России на триста лет воцарилось рабство?

Многие отечественные философы (в первую очередь славянофилы и Достоевский) несчастья нашей истории нарекли особым, «русским путем», который, дескать, должен нести миру свет истины. Даже Пушкин в своем неотправленном письме Чаадаеву, оспаривая адресата, говорил о величии русской истории. Я могу согласиться с Пушкиным лишь в пастернаковском смысле:

И в значеньи двояком
Жизни, бедной на взгляд,
Но великой под знаком
Понесенных утрат.

Выступление 12 декабря 1990 года на конференции по проблемам посттоталитаризма в Лондонском университете.

Думается, будущей русской литературе предстоит разрешить загадку русской души и русской судьбы. Почему русский человек позволял над собой надругаться? Безусловно, на то есть свои причины. Но в чем они? С чем связаны? С причудливым народным характером, который не приемлет чужое иго, но свое несет с экстазом? И этой покорности народа, его выносливости, безотказности (тому, что Сталин позже окрестил «долготерпением») русская литература часто поклонялась. О страшных последствиях этого поклонения мало кто задумывался. Почему народ, который сбросил монгольское иго, отбил нашествия поляков, французов, а в нашем веке — немцев, в результате не получал ничего? И сегодня побежденная Германия, торжествуя, шлет нам пакеты с провизией, за что, разумеется, ей великое спасибо.

А дальше возникает и другой вопрос: почему по первому призыву страна огромная поднималась против врага, вставала на смертный бой, а на борьбу с разрухой, с грязью, с оскудением и безобразием она не встает? А ведь сегодня России угрожает, может быть, не меньшая беда, чем в 41-м году. Почему же зримый враг объединяет Россию, а когда необходимо единым фронтом встать на борьбу с разрухой, мы чуть ли не начинаем гражданскую войну? Никогда еще в истории нашего государства не было такого распада и безобразия, таких аномалий, такой дезорганизации сверху донизу. Действительность ныне поражает своей беспримерной нелепостью.

Так где же выход и чем может нам помочь литература сегодня? Надеясь понять, что же все-таки происходит в стране, мы последние пять лет запоем читали публицистику. Она была полна призывами, она открывала нам многое. Но сейчас, возможно, наступает время литературы, потому что наконец-то пришла пора прежде всего понять самих себя, чтобы преодолеть в себе инерцию страха и апатии, а также высокомерие и веру в свою богоизбранность.

Для этого прежде всего, надо оспорить слова великого Тютчева, ставшие для многих чуть ли не Евангелием:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Все мы верили этому стихотворению, верили и вот дожили до нынешнего кошмара. Я не хочу порицать любимого мною Тютчева, но всетаки пришла пора понять Россию трезвым умом. Кстати, следует понять и причины потрясений и переворотов, которыми перенасыщена русская история, определить свое к ним отношение.

Пушкин в «Капитанской дочке» предупреждал: «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» Но уже лет тридцать спустя другой великий русский поэт Некрасов призывал:

Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

И что особенно горько, российская интеллигенция больше прислушивалась к Некрасову, и с тех пор крови было пролито предостаточно. Это в числе прочих причин и привело Россию к бездне. И сегодня этот самый бунт дышит в наши затылки.

Впрочем, надо сказать, что преклонение перед Некрасовым было скорее бедой, чем виной русского читателя. Потому что, как замечательно сказал Пастернак:

В искатели благополучия
Писатель в старину не метил.
Его герой болел падучею,
Горел и был страданьем светел.

Именно этот отказ от нормальной жизни, этот благородный свет страдания во многом породил жажду жертв и перемен и тем самым привел к социальным катаклизмам. Ведь в этих людях был не только свет, в них были низины и бездны, и провалы, и желая захватить власть во имя добра, они призывали на помощь зло, тем самым в конце концов превращаясь в палачей и негодяев. Прав был Лев Толстой, сказавший, что люди, взявшие власть, будут ничуть не лучше людей, у которых они эту власть отнимут. О том же пророчески предупреждал в «Бесах» Достоевский.

Незадолго перед смертью Борис Пастернак завещал нам:

Не потрясенья и перевороты
Для новой жизни очищают путь,
А озаренья, бури и щедроты
Души воспламененной чьей-нибудь.

Но опять же, многие ли его услышали?

Русская литература в основном воспевала этого «светлого» героя и не уважала ни хозяина, ни созидателя. Ее сердце почти всегда принадлежало разрушителю, по словам Александра Блока, поругателю «заветных святынь». А когда она все-таки обращалась к хозяину, к устроителю жизни, у нее получались бледные, маловыразительные образы типа гоголевского Костанжогло или гончаровского Штольца. Меж тем в России были замечательные ученые, самоотверженные люди, талантливые промышленники, но русскую словесность с ее любовью к преобразователям истории они не интересовали.

И вот что любопытно: сразу после Октябрьской революции наша литература как бы повернулась на сто восемьдесят градусов. (Разумеется, были писатели, сопротивлявшиеся такому повороту, но они были скорее единицами.) Из словесности обличающей литература стала словесностью охранительной. Эта охранительность губила советскую литературу.

Видимо отвращение к литературе официозной породило литературу диссидентскую, точно так же, как само диссидентство было вызовом официальной идеологии и власти. Однако диссиденты сами были выучениками великой русской литературы (правда, ее ненасильственных идей), они тоже ориентировались на традиционного героя, того самого, который «был светел страданьем». Диссидентам казалось, что если дать такому человеку гражданские права, демократизировать общество сверху, то наступит благоденствие. За пять лет мы добились кое-каких успехов по части демократизации, а вот жизнь не только не устраивается, но ей грозят новые политические заморозки.

Если поговорить с человеком попроще, он тут же выложит вам, что демократы все порушили, что нужен порядок и что при Сталине было лучше. Но если при этом его спросить, как сам он жил в сталинские годы, то страшней его жизни ничего не придумаешь. И бедствовал, и унижали его, но все равно демократии он не хочет. Даже прежнее голосование с одним кандидатом ему больше по вкусу: не надо было ломать голову, кого выбирать.

В России народ за диссидентами не пошел, а например в Польше пошел за «Солидарностью», пытавшейся в своих призывах соединить борьбу за гражданские права с борьбой за права экономические. (Хотя и в Польше в шутку, разумеется, говорят, что поляки готовы умереть за свою Речь Посполиту, но работать ради нее не станут.) Итак, диссиденты тоже чересчур идеально смотрели на человека, не брали в расчет его предрассудки, его душевные бездны, застарелые обиды, экономическую заинтересованность. А ведь стоило бы задаться вопросом, какими сторонами нашего характера объясняется, что Андрей Сахаров, принявший за всех нас муки, стал народным героем лишь после смерти, а бывший генерал КГБ, преследовавший ленинградских соратников Сахарова, стал героем при жизни?

Так что же сегодня может сделать литература? Как она способна исцелить общество?

Прежде всего, как мне кажется, ей следует осознать особенность нынешнего времени. Ведь в России тоталитаризм сломлен (хотя по сути дела он еще не сломлен!) не усилиями народа, не его подвигом самовоспитания, самоограничения, самоусовершенствования. Тоталитаризм ослабел и готов рухнуть сам, без внешних толчков, потому что он противоестествен изначально и сам в себе несет свою гибель. Не люди победили свой страх, а страх уменьшился потому, что ослабели органы устрашения. Сегодня люди боятся не столько органов госбезопасности, сколько разгула улицы, межнациональной резни и гражданской войны. Поэтому многие не прочь вернуться к брежневским, а то и к сталинским порядкам. Словом, нынешняя относительная свобода — это свобода разрухи, свобода после землетрясения.

Разумеется, к такой свободе люди не готовы ни порознь, ни сообща. Свой внутренний хаос они выводят наружу, на улицу, что грозит непредсказуемыми несчастьями. Привыкнув работать из-под палки, народ не научился работать ради собственного благополучия. Нашей историей, нашей литературой не воспитано в людях чувство собственника, хозяина. Поэтому люди ждут избавления от нищеты от кого угодно, только не от самих себя.

Почти каждый гражданин, даже средней руки интеллигент, нередко вопрошает: «За что же нам досталась такая жизнь?» И если ему ответить, что мы терпим свои беды за то, что не поддержали Сахарова, не воспротивились вторжению в Чехословакию и в Афганистан, чуть не каждый возразит: «А что я мог сделать?» Хотя нас всех таких «каждых» сотни миллионов, и они творят историю. Эти сотни миллионов живы верой, что спасти их может кто-то другой. Поэтому они идут за популистами, вследствие чего процветает мифотворчество, а это особенно опасно.

В чем же, на мой взгляд, задача ближайшего поколения писателей? Прежде всего в том, чтобы помочь людям найти в себе причины их собственных несчастий, бедствий, безобразий. Именно в себе, а не в климате, в географии, в нашествиях или кознях врагов. Литературе, видимо, предстоит объяснить человеку, что, если он допустил над собой насилие, то винить в этом надо самого себя. Литературе не нужно вещать с некоего амвона (чем она в России нередко грешила!), а следует обращаться непосредственно к каждой отдельной личности с тем, чтобы люди наконец смогли перейти от пресловутого соборного сознания, которое тяготеет над ними не один век, к сознанию личностному, от которого мы, увы, пока еще далеки. Но без личностного сознания не может быть ни свободы, ни человеческого достоинства; без него может торжествовать лишь рабство.

До сих пор в стране и в русской литературе (в советской — тем более) человек приносился в жертву идее государства. Государство являлось либо Богом, либо Молохом:

Жила бы страна родная,
И нету других забот!..

— пелось в популярной песне. Но может ли быть сильным государство, если его граждане рабы? Может ли оно быть богатым, если они нищие?

Сегодняшняя писательская задача (справимся ли мы с ней — другой вопрос!) — перевернуть прежние понятия с головы на ноги, перестать кадить народу; пора объяснить ему, что мы со своим и «особым путем», и «светом с Востока» дошли до предела. Пора перестать искать причины бед в мифической русофобии. Надо, наконец, вглядеться в себя и найти в себе корни своих несчастий. Только это и может нам помочь. Никакая помощь Запада, которой мы тронуты до глубины души, за которую мы, естественно, благодарны, все-таки не спасет нас, пока мы сами не возьмемся за свой гуж, за свою работу, пока не осознаем причины своих бед, своей лени, своей гражданской трусости, своего конформизма, равнодушия к попранию собственного достоинства, то есть пока всего этого литература не откроет нам, заглянув в бездны души человеческой в той мере, в какой это ей доступно; то есть пока она не воздействует на нас. Иначе мы не отойдем от пропасти.

Надо сказать, что эта задача не безнадежна. Россия все еще самая читающая страна. И до тех пор, пока, наряду с самогоноварением, книгоиздание остается в России самым прибыльным видом деятельности, можно надеяться, что литература способна исцелять.

ТЕМА С ВАРИАЦИЯМИ

Владимир Фрумкин

РАНЬШЕ МЫ БЫЛИ МАРКСИСТЫ: песенные связи двух социализмов *

Несколько лет назад я смотрел документальный фильм «Триумф воли», созданный талантливой фавориткой Гитлера Лени Рифенштайль (о всегерманском съезде национал-социалистов в Нюрнберге, 1934 год). Смотрел — и слушал. Самодовольные голоса ораторов, гром аплодисментов, ликующие крики толп, сольное и коллективное скандирование стихов и клятв, дробь барабанов, звенящая медь фанфар... И марши, парад маршей, медленных, умеренных и быстрых, со словами и без. Среди них была и тупая солдафонская обработка темы Вагнера из «Гибели богов»... А это что? Возможно ли?

«Всё выше, и выше, и выше...» Наш советский «Авиамарш», сопровождающий идиллическую картину: утро в вермахте, упитанные солдаты делают зарядку, умываются, бреются, играет духовой оркестр, и слышен хор: «Und höher, und höher, und höher». С тех пор и началась моя охота за мелодиями-оборотнями...

«Авиамарш» был написан в 1920 году в Киеве авторами-эстрадниками — поэтом Павлом Германом и композитором Юлием Хайтом.

К середине 20-х годов «Авиамарш» запела вся страна. Его первая строчка «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» стала крылатым

* Окончание. Начало см. в № 3. Перепечатывается из «Обозрения» (приложение к газете «Русская мысль»). 1985, № 16.

выражением, а начальные слова припева «Всё выше» приобрели значение девиза... 7 августа 1933 года газеты напечатали приказ Реввоенсовета СССР: «Установить авиационным маршем ВВС РККА „Всё выше!“» [1].

Советский автор ничего не говорит о том, что официальному признанию «Авиамарша» предшествовало несколько лет яростной травли. Левацкая РАПМ (Российская Ассоциация Пролетарских Музыкантов) требовала запретить песню — за возмутительные интонационные связи: ее запев (если его замедлить) напоминает русский старинный романс, а припев — совсем уж классово чуждую заграничную шансонетку. Между тем, подозрительный марш без всяких помех пелся в Германии, очевидно, с 1928 года. Коммунисты довольно близко следовали русскому оригиналу:

Мы рождены, чтобы совершать подвиги,
Чтобы преодолеть пространство и вселенную...
Припев:
Поэтому — выше! Выше! И выше!
Мы поднимаемся вопреки ненависти и насмешке.
И каждый пропеллер поет, гудя:
Мы защищаем Советский Союз.

Интерпретация фашистов более самостоятельна:

Идите в бой, вы, рыцари машин,
Сражайтесь против колонии рабов,
Разве вы не слышите призыва совести,
Не слышите бури, которая кричала вам его (призыв) в уши!
Припев (у нацистов он имел не одну, а две строфы):
Так вверх, навстречу солнцу,
С нами идет новое время,
Когда все в отчаянии — со сжатыми кулаками
Мы готовы ко всему.
И выше, и выше, и выше,
Мы поднимаемся вопреки ненависти и запрету.
И каждый член СА смело кричит: «Хайль Гитлер!»
Мы опрокидываем еврейский трон.
По серым улицам мятеж промчится скоро,
Мы последние часовые свободы.
Пусть никогда больше не роскошествуют бонзы;
Пролетарии! Боритесь вместе с нами за свободу и хлеб!
Берите судьбу в собственные руки.
Коричневое войско немецкой революции
Одним твердым ударом покончит с угнетением,
Покончит с еврейской тиранией.
(Припев)

Марш советских ВВС (точнее — его упругая, летящая мелодия) причастен к рождению еще одной песни нацизма. Исходный мотив знаменитой «Дрожат одряхлевшие кости», написанной 18-летним Гансом Бауманом в 1932 году, почти нота в ноту совпадает с началом припева «Авиамарша».

Есть, однако, между этими двумя песнями, кроме интонационного, и другое, более существенное родство. Обе наполнены безоглядной верой в беспредельные возможности воли, в обеих звучит дерзкий

[1] М. И. Зильбербрандт. Песня на эстраде // Русская советская эстрада. М., 1976, с. 210.

вызов заскорузлому мировому порядку, играет молодая сила, очищенная от эмоций, от старомодной, мягкотелой человечности.

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца пламенный мотор.
. . . .
Наш каждый нерв решимостью одет.
(П. Герман)

Мы победили страх,
И это была великая победа.
Мы будем шагать дальше,
Когда все распадется в прах.
. . . .
И лежит после битвы в обломках
Весь мир, весь мир.
Пускай! Сам черт нам не страшен,
Мы заново построим его!
Ты, знамя свободы, лети!
(Г. Бауман)

Две строчки в тексте Баумана вносят, правда, некоторый диссонанс: «Сегодня мы взяли Германию, / Завтра возьмем весь мир!» (в более точном переводе: «Сегодня нам **принадлежит** — gehört uns — Германия, / А завтра — весь мир!»). Я не припомню, чтобы советская риторика позволяла себе так прямо выставлять столь далеко простирающиеся претензии и аппетиты. Нацистская риторика тоже вроде бы хотела звучать более респектабельно: при издании песни в сборниках «gehört uns» заменяли на «da hört uns» (**нас слышит**) — по соображениям тактики. По тем же соображениям следующую песенку времен борьбы за власть и вовсе перестали печатать:

Точите длинные ножи
О камни городов!
Пусть эти длинные ножи
Вонзятся в плоть жидов.
Пусть кровь течет рекой...

Но и после 1933 года — как ни старались мастера национал-социалистского реализма умерить пыл и выражаться поблагороднее, бредовая людоедская суть «движения» вылезала то тут, то там. То ли дело:

Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака.
(Анатолий д'Актиль)

Или:

Мы покоряем пространство и время,
Мы — молодые хозяева земли!
(Василий Лебедев-Кумач)

Что и говорить, за редкими исключениями (кое-что в языке дореволюционного подполья, периода гражданской войны, 20-х и 30-х годов), словесное облачение советской **классовой** утопии выглядит привлекательнее, травояднее фразеологии германского **расового** мифа. Пассажи типа «Завтра возьмем весь мир!» миру не понравились. Национал-социалистские гимны, захлебнувшиеся в 1945-м, пали жертвой своей же оголтелости. В Германию (по крайней мере, в восточную ее часть) вернулись их заклятые сородичи, гимны социалистические:

«После Второй мировой войны боевой марш Л. П. Радина в вольном немецком переводе Германа Шерхена стал одним из самых популярных партийных гимнов Социалистической единой партии Германии. В Германской Демократической Республике он поется на всех партийных съездах» [1].

О том, что этот гимн входил в обойму известнейших песен национал-социализма, в СССР и ГДР предпочитают не говорить. Вольфганг Штайниц, музыковед и бывший член правительства ГДР (выступивший, как мне сказал В. Карбусицкий [2], против постройки Берлинской стены), написал только о двух общих песнях: «Ты погиб не напрасно», заимствованной коммунистами у нацистов, и «Маленький трубач», заметив в связи с последней, что нацисты переняли у коммунистов «много других песен».

В Западной Германии о песенном обмене между немецкими коммунистами и фашистами основательно и интересно написал в своей книге Владимир Карбусицкий. Выступил на эту тему и Александр фон Борман в сборнике 1976 года «Немецкая литература в Третьем рейхе».

По его мнению, «красно-коричневые соответствия в песнях ничего не говорят о тождественности идеологий или систем власти, разве что о сходстве песенной ситуации: речь идет о песнях общественных групп», и эти песни «формируют и отражают идеалистически-воинственное самосознание» каждой группы. При этом «боевая песня, независимо от ее направления, строится из формул», которые заполняются ее, группы, «опытом и убеждением». «Такую песню, как «Свобода или смерть» путем малозначительных вариаций можно повернуть в любую желательную сторону». Все же использование нацистами «центральных социалистических песен затрагивает деликатный вопрос и не может быть объяснено только как оппортунизм или манипуляция (ловля голосов избирателей)». Объяснение Борман дает такое: первоначально в нацистском движении были антикапиталистические элементы и идеализм — как и в социалистическом движении. И надо твердо помнить, «что одно дело, если свобода и хлеб для миллионов служат боевым лозунгом для самоопределения трудящегося класса, и другое дело, если они служат призывом преданно покориться фюреру». И вообще — «доктрина о тоталитаризме (уравнивание фашизма и социализма)» есть ни что иное, как порождение «холодной войны».

Е. Г. Эткинд, сравнивая (в книге о советской поэзии, вышедшей в ФРГ) советские и немецко-коммунистические стихи и песни 30-х годов с национал-социалистскими, приходит к другому выводу: «глубокие аналогии», «людоедские режимы обоих тоталитаризмов странно походят друг на друга».

Среди сотрудников музыкальных архивов и библиотек Западной Германии, где я вел свои поиски, точка зрения Бормана была популярнее точки зрения Эткинда. К моей теме там относились обычно без энтузиазма. Тем не менее материалы по музыкальной истории нацизма мне выдали и даже помогли их обрабатывать. В стране самоопределившегося трудящегося класса мой родственник Сеня Рогинский за интерес к архивным материалам по истории советского социализма получил 4 года лагерей. Я не стал рассказывать об этом моим либеральным немецким коллегам. В конце концов, не они повинны в наших бедах. К тому же вели они себя по отношению ко мне и моим розыскам, при всей их скошенности влево, как вполне цивилизованные люди: толерантно, демократично, вежливо. В лучших буржуазных традициях. И я им искренне за это благодарен.

[1] Биография песен, с. 88.
[2] Автор книги «Ideologie im Lied — Lied in der Idéologie» (Köln, 1973).

Лазарь Лазарев

КАК В ПЕСОК...

Заметки о вчерашнем, которое не становится вчерашним

Ну и жизнь пошла... Не успеваешь прийти в себя после одного происшествия, как тут же — другое. Не кончили расследование, почему сошел с рельсов один поезд, как уже новое крушение. Посадили угонщика одного самолета, а в это время в другом, взмывшем в небеса, молодой человек передает экипажу записочку, в которой грозит прихваченным с собой взрывным устройством...

События захлестывают... Не успеваешь подумать над очень поучительной речью руководителя российской компартии, как говорили во времена партпросвета, проработать ее, а он дает интервью — не менее насыщенное материалом для раздумий. Нас же уже целиком занимает последнее интервью, недавняя речь сошла с газетных страниц, и мы не держим ее в голове...

Один указ, одно постановление без пауз накладывается на другое, да еще нередко вкривь и вкось, а то и поперек. Сколько волнений вызвал указ о том, что в Москве в пределах Садового кольца демонстрации и митинги разрешает только Совет Министров СССР. Потом Комитет конституционного надзора заявил, что указ этот противоречит Конституции. А дальше что: отменен указ или пересмотрел свое решение комитет! Мрак. Похоже, что никто ничего сообщать нам не собирается. Нам просто предназначено не помнить о том, что было вчера. Мы к этому привыкли, смирились с этим. А между тем история повторяется: недавно Комитет конституционного надзора в указе о совместном патрулировании выявил существенные правовые недостатки и пробелы. Ну и что, все будет так же, как с указом, о котором я только что говорил!

Кажется, три комиссии были созданы, чтобы вывести Ельцина на чистую воду. Что они выяснили, какие решения приняли! А может быть их вообще давным давно распустили, как и комиссии, занимавшиеся деятельностью Гдляна и Иванова, да нас не поставили в известность — ни к чему нам знать об этом. Все уходит в песок. Но не само собой, а по воле лиц, заинтересованных в нашем беспамятстве. Мы же терпим это, приучены к этому. Пройдет время — забудут, считает начальство. И мы забываем. Не пытаемся выяснить, кто, скажем, несет ответственность за антиалкогольную кампанию! Или кому мы обязаны решением остановить на ремонт одновременно полсотни табачных фабрик, что привело к табачным беспорядкам!

Газеты наши, стремясь поспеть за бегущим днем, до отказа набитым происшествиями, конфликтами, речами, указами, опровержениями, незаметно для себя приняли правила этой всех оглупляющей игры. Давно ли была громкая история с «АНТом», но чем она кончилась, каковы результаты расследования, об этом ни полслова, все быльем поросло, хотя нынче на страницах газет обсуждается «дело о 140 миллиардах», очень похожее на «антовское». А я думаю, если бы вчерашняя история была доведена до конца, быть может, не было бы сегодняшней!..

Эти заметки посвящены случившемуся совсем недавно, несколько дней или недель назад, но о чем газеты уже перестали писать. Я возвращаюсь к этим событиям, ибо они занимают меня не сами по себе, меня интересует некая методология, лежащая в их основе. Она не меняется, поэтому повторение вчерашнего неизбежно...

ОПЯТЬ ЭТА КОШМАРНАЯ НЕИЗВЕСТНОСТЬ

— Вы уже надели теплые кальсоны, доктор Уотсон. Сильно похолодало?
— Потрясающе! Путем каких гениальных умозаключений вы это обнаружили, Холмс?
— Вы забыли надеть брюки...

Старый анекдот

В последнее время нам очень, до зарезу, недостает Шерлока Холмса. Почему-то следственные, правоохранительные и другие могущественные государственные органы, оберегающие наш покой и безопасность, не в состоянии справиться с задачами, напомнившими мне ту, решение которой Шерлоком Холмсом привело в восторг доктора Уотсона...

В Вильнюсе темной ночью десантники взяли штурмом телевизионную башню. Один министр — маршал Язов — заявил, что приказа о штурме десантникам не отдавал; конечно, он не знает, от кого они получили такую команду. Другой министр — Пуго, вскоре ставший генерал-полковником, объяснил, что десантники ему не подчиняются, поэтому он понятия не имел о том, что происходило в Вильнюсе. О президенте я уже и не говорю, он, как стало известно, спал в ту ночь и лишь утром узнал, что поддерживаемые танками десантники заткнули рот литовскому телевидению. Никто ничего не знал и не ведал. Говорили и писали, что воины получили приказ комитета национального спасения. Правда, никто этот комитет в глаза не видел. Он как поручик Киже — в важных бумагах существовал, а телесной фигуры не имел. И до сих пор все органы, беззаветно стоящие на страже законности в нашей стране, ломают себе голову: кто же отдал приказ, кто входил в комитет!..

Через неделю после вильнюсского кошмара в Риге «черные береты» уже не ночью, а вечером взяли штурмом министерство внутренних дел. Говорят и пишут, что в отместку за то, что кто-то, не обнаруженный, как и комитет национального спасения, надругался над женой их боевого товарища. Разумеется, министр Пуго знать не знает, чью команду выполняли эти его подчиненные. И другие официальные лица высокого ранга только руками разводят: что поделаешь, если совершенно невозможно выяснить, кто отдал приказ. Как говорят на флоте, ничего в волнах не видно, непроницаемый туман. Даже не понятно, подчиняются ли вообще кому-то «черные береты», или они сами решают, когда и в кого стрелять!.. Очень солидные, весьма ответственные люди пожимают плечами, словно столкнулись с какой-то непостижимой силой, с проделками пришельцев — откуда им знать!

И тут я вспомнил пламенное выступление полковника Петрушенко, который, ссылаясь на строго засекреченные, но ему хорошо известные документы, поведал о том, что демократическим движением у нас заправляют зарубежные спецслужбы. Наверное, здесь и зарыта собака, подумал я. Если эти спецслужбы так глубоко проникли в нашу

жизнь, почему они не могут протянуть свои щупальца и сюда! Может быть, эти приказы десантникам и «черным беретам» сочинялись в ЦРУ или в крайнем случае в Интеллидженс Сервис — тоже организация зловредная. Они на все способны...

А тут обнаружилось, что рабочий кабинет Ельцина кем-то прослушивается, найдена соответствующая аппаратура, так сказать, «вещдоки». КГБ сделал заявление, что он к этому делу не имеет никакого отношения, и в большом гневе пригрозил привлечь за напраслину к ответу определенные органы печати. Хотя сам факт — то, что кабинет Ельцина подключен к каким-то подслушивающим устройствам,— КГБ не стал отрицать. Я сразу подумал — заразительна логика полковника Петрушенко,— а не ЦРУ ли, или в крайнем случае Интеллидженс Сервис занимается этим грязным делом! Не понятно только, как это КГБ не схватил их тут же за руку! Ведь руководители этого ведомства постоянно заверяют нас, что их сотрудники зря хлеб не едят, бдят денно и нощно, мы можем спать спокойно, мышка не проскользнет. А если это не КГБ, не ЦРУ, не Интеллидженс Сервис, так кто же, кто сумел в государственном учреждении установить эту сложную и дорогостоящую технику! Не сам же Ельцин себя подслушивает! А кого еще можно заподозрить! Опять эта кошмарная неизвестность...

Пожалуй, и в самом деле нам сегодня нужен Шерлок Холмс, без него мы, кажется, не можем выяснить, что доктор Уотсон разгуливает без штанов...

СТОИТ ТОЛЬКО ВОЗРОДИТЬ СЕТЬ ЛЕКЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ...

Власть предержащие усвоили замечательную манеру объясняться с нами — как с малыми ребятами. Словно мы читаем по складам и не в состоянии вникнуть в общий смысл сказанного или написанного ими. Как неразумные, доверчивые дети мы должны, раскрыв рот, внимать их основополагающим текстам, их неотразимым руководящим выступлениям, за чистую монету принимая все, что они нам внушают. Переходя на грубый язык улицы, который, впрочем, проник и в стены парламента, можно сказать, что наши политические пастыри то и дело без тени смущения вешают нам лапшу на уши и пудрят мозги.

Правда, этот некогда безотказный номер в последнее время срабатывает все хуже и хуже. Может быть, потому, что мы уже научились читать бегло, не по складам, и даже губами не шевелим, читая про себя,— не в пример иным деятелям высокого ранга. А может быть, потому, что лапши-то сейчас в магазинах днем с огнем не сыщешь, да и с пудрой, как утверждают компетентные представительницы прекрасного пола, положение не лучше. Пылкие речи и многообещающие декларации наших руководителей, увы, не могут прикрыть постыдной наготы прилавков в торговых точках. Ее видят все — от мала до велика. Недавно моя двухлетняя внучка, услышав, что я иду в магазин, сказала мне: «Не ходи, там ничего нет». Однако несгибаемые сторонники самобытно истолковываемого ими социалистического выбора полагаются на чудодейственную силу своих слов, сочиненных консультантами и помощниками, и продолжают поучать нас и наставлять на путь, ведущий к светлому будущему, каким оно им видится, внушая нам, что жизнь впроголодь — великое достижение нашего строя, которым они ни за что не поступятся, а диктатура и казарменные порядки — высшая ступень демократии, которой должны завидовать другие народы...

Признаюсь, эти непочтительные, даже крамольные мысли возникли у меня при чтении программного выступления лидера российской

компартии на последнем объединенном пленуме ЦК и ЦКК КПСС. Как человек благонамеренный я пытался их гнать прочь, но они упорно возвращались. И тут нет моей вины — очень уж сильное впечатление производит речь Полозкова. Посудите сами...

«Хотелось бы посоветовать внимательно посмотреть, что же приобрели, скажем, трудящиеся Венгрии,— предостерегает нас Иван Кузьмич, упорно защищающий интересы всех трудящихся, в том числе и венгерских.— По данным Института Гэллапа, в текущем году дальнейшее ухудшение жизненных условий ожидает 84 процента населения и лишь 2 процента венгров могут надеяться, что жить они станут лучше. Несомненно, это ожидало бы и нас, если бы были приняты так усердно навязываемые обществу сначала программа 90, затем 400, затем 500 дней. Все они одного порядка.»

Быть может, в Институте Гэллапа правильно подсчитали грядущие невзгоды венгров — замечу, правда, истины ради, что это еще в социалистической Венгрии, когда у власти находилась коммунистическая партия, началась прогрессирующая инфляция, цены неудержимо росли, жизненный уровень столь же неудержимо снижался. Как это Иван Кузьмич об этом забыл! Но все-таки и сегодня в венгерских магазинах полным полно товаров, и, похоже, наши пустые (не в переносном, а в буквальном смысле слова) полки им не грозят и в нынешнем, действительно трудном для них году. Чтобы убедиться в этом, можно не ездить в Будапешт или Секешфехервар, достаточно иногда смотреть по нашему телевидению венгерские репортажи программы «Время». Неужели российский партийный лидер думает, что мы не только газет не читаем, но и телевизор не смотрим! Разве что одни развлекательные передачи китайского или бразильского производства — «Желчь павлина» или «Рабыню Изауру».

Это, конечно, эгоистично, но меня все же больше занимают не будущие затруднения венгров, а наши сегодняшние бедствия, экономический крах, к которому привели страну Полозков, его соратники и единомышленники, героически спасая наше общество от «губительной» программы «500 дней». Чтобы выяснить, до чего довели нас ретивые спасатели и благодетели трудящихся, даже телевизор не надо смотреть — достаточно в любой час и день зайти в любой продовольственный магазин и, если очень повезет, отстояв всего час-другой, получить триста граммов чего-нибудь съестного, а не повезет — зато вы сэкономите время,— увидеть изнывающих от безделья продавщиц. Видно, занятый все эти месяцы разработкой духоподъемных партийных документов и поглощавшей все остальное время изнурительной борьбой с программами 90, 400 дней и 500 дней, Иван Кузьмич давненько не заглядывал в магазины и не слышал, что там в очередях говорят, как оценивают положение дел и кого в этом винят. Решительно отвергнув угрожавшую нам неслыханными невзгодами программу «500 дней», пастырь российских коммунистов как верный сын политпросвета на него, на политпросвет, и возлагает главные надежды, на это, как сказал поэт, старое, но грозное оружие: «Надо быстро возродить сеть лекционной пропаганды. Пойти на телевидение, на газетные полосы и радио, в трудовые коллективы членам ЦК, членам Политбюро, всему партийному активу. Нам надо стабилизировать сознание людей». Короче говоря, зажигательные речи наших партийных трибунов, номенклатурных витий — сим победишь разруху и кризис...

Много лет программу, подобную той, на которую возлагает главные надежды руководитель российской компартии, охарактеризовал один серьезный и умный человек — нет, не Столыпин и не Генри Форд,

а настоящий приверженец подлинного социалистического выбора. Кажется, что сказал он это сегодня.

«Революции,— утверждал Антонио Грамши,— нужны люди с ясным умом, люди дела, которые позаботились бы, чтобы в булочных всегда был хлеб, чтобы движение поездов происходило точно по расписанию; люди, которые снабдили бы предприятия сырьем, сумели наладить в стране обмен промышленной и сельскохозяйственной продукцией, обеспечили свободу и личную безопасность граждан, защитили их от нападений бандитов, обеспечили правильное развитие всей общественной жизни страны, а не обрекали народ на отчаяние, на безумную междоусобную резню. Смех (и слезы) вызывают попытки разрешить какую-либо из этих проблем хотя бы в масштабах одной деревни, насчитывающей сотню жителей, посредством показного воодушевления и безудержной фразеологии. Тот, чья деятельность сводится к напыщенной фразеологии, к неудержимому словоизлиянию, к романтическому воодушевлению, тот — демагог, а не революционер.»

Сабетказы Акатаев

ОБРАЩЕНИЕ К РУССКОЙ НАЦИИ

Взгляд «инородца» на патологию русской шовинистической мысли

Опыт истории учит, что фашизм — внебрачное шаловливое дитя переросшей себя, больной, старой, умирающей империи и тотального режима, осознающего свои слабеющие мускулы. Но, как всякий ребенок, он может быть наряжен в различного цвета костюмы: голубой, белый, коричневый или красный. Цвет зависит не от сезона и моды, а от времени истории. Разумеется, фашизм как крайняя форма диктатуры, как незаконнорожденное дитя, должен был быть лишен наследства. Но увы! Политика — не быт, здесь свои законы.

Ситуация в Балтии тревожит нас. Там гибнут мирные люди в мирное время. Не увидеть масть мундира вооруженных до зубов солдат означает быть или политическим дальтоником, или безразличным к судьбе Отечества, или преследовать другие, неведомые мировой общественности цели. Потому ситуация в Балтии пугает и нас, казахов.

Среди бегущих за танками в прибалтийских городах слышна русская речь. Великая речь, на которой некогда, в лихие годы революционных катаклизмов, звучали столь приятные для нашего оскорбленного слуха декреты и декларации о самоопределении, равенстве и свободе. За бронетранспортерами маячат лозунги шовинистов, колонизаторов и их приспешников: «Ура! Наши!» Мы не ослышались. Местоимение на месте, синтаксически правильно. А кто же они — «наши»?

Мы знаем, что драма Казахстана теперь разыгрывается в Балтии, то, что нами пережито в морозные дни декабря 1986 года в глубине Азии, проверено в Тбилиси и Баку, вновь испытывается в условиях Европы. Те же лица, герои, метóда провокаций, генераторы лжи и грязи. Опять «комитеты» воюют против законно избранных народом «дум», «комитетчики» учат парламентариев суверенных республик, какие законы им принимать, а народы — как им жить. 70 лет хаоса никого ничему не научили. Все это напоминает нашествие силы под красным знаменем, пережитое в начале века... У нас, в Алма-Ате, они, «комитетчики», тогда назывались «дружинами», разумеется, не воеводы К. Минина и князя Д. Пожарского. И вооружены они были не вилами и палками, а арматурными ломами, и состояли из рабочих в основном русского и обрусевшего происхождения, руководимых красными «князьками»: Шулико, Мещеряковым, Мирошкиным, «русскоязычными» манапами в галстуках — Камалиденевым, Мукашевым, Мендыбаевым... Верховодил «дружиной» грозный кремлевский эмиссар Геннадий Колбин. Против безоружных «алкоголиков и наркоманов» были использованы танки и бронемашины. Мы благодарны Великому Аллаху, что ракет СС тогда еще не было у них под рукой, они размещались в Европе. Теперь мы видим, как боевые машины воюют с балтийским эфиром. Такого не знала мировая история...

Русские люди, сограждане! Не обманитесь! У фашизма нет прописки, анкета «безукоризненна» и «дело правое». Он не сын чабана, которого не пускают в его родную Алма-Ату лишь потому, что у него нет отметки в паспорте. Фашизм ползуч, разнолик. И вы его переживаете и переносите ежедневно. Мы тоже не канули в Лету вместе с «красным террором», «гражданкой» и еще другими актами, кампаниями и операциями, многократно повторявшимися потом. Танкам и бронетранспортерам доступно все: не только улицы и площади Алма-Аты, Вильнюса или Риги, но и Москвы, и Ленинграда. Для них нет преград.

Передовая русская интеллигенция! Мои многочисленные коллеги и наставники! Если крепостничество отбросило вашу нацию и национальную культуру «на крайнюю грань всех цивилизаций мира», то «Красные Конституции» — еще дальше. Я цитировал и продолжаю цитировать представителей русской мысли XIX века. «Горе народу, если рабство не смогло его унизить, такой народ создан, чтобы быть рабом»,— сказал известный декабрист. Я же, очевидец казахского декабря, вторю ему: синдром реакции в современном русском обществе — позор и трагедия для его духовной части, наделенной обостренным чувством чести и совести. Если русская национальная культура на деле велика и гуманна, то вы, ее передовые представители, должны задаться жгучими для всех и всегда вопросами: почему нерусские народы России постоянно ропщут, почему воздействие русской культуры на них заканчивается пагубно; почему они, «добровольно присоединившиеся», оказываются в положении подданных; почему они не могут осуществить свое естественное и неотъемлемое право на политическое самообустройство; почему этим народам самим не виднее, как им жить, а «виднее» генералам, царям и красным комиссарам; почему, к примеру, 183 казахских солдата в мирный 1990 год погибли в армии от побоев, о представителях других я уже молчу; почему вооруженных наших сыновей используют против прибалтийцев в нарушение присяги; почему нас, казахов, на собственной земле оказалось меньше, чем «гостей»; почему наша молодежь ютится по частным углам у «русскоязычного населения»? Почему? Почему у нас, казахов, кроме Бога, есть более могучий хозяин, от воли которого мы зависим? Какова надобность жить, лишая «инородцев» всего собственного: языка, культуры, обычаев, тем самым приобретая себе врагов? Каков смысл жить, порабощая других, тем самым порабощаясь самому?

Нынешний межнациональный скандал лишь начало затяжной гражданской войны духа. Потому светлый ум ваш, А. И. Солженицын, взы-

вает: «Надо теперь жестко выбрать: между Империей, губящей прежде всего нас самих,— и духовным, и телесным спасением нашего же народа. <...> Держать великую Империю — значит вымертвлять свой собственный народ». Человек, так долго боровшийся дома и на чужбине ради счастья Родины, вряд ли стал бы советовать веками награбленное сдать без боя, если бы своим сердцем не предчувствовал грядущей катастрофы. Такое чувство дано лишь великим борцам. Он — воистину русский пророк. Я, казах, у него просил бы лишь одно: все-таки оставить Казахстан хотя разграбленным, зияющим, но все-таки нетронутым по северной «дуге», среднеазиатскому хребту. По-доброму. Хотя о таком не принято просить. Но у пророка можно. Я не ошибся, называя его пророком. Он — один из немногих в пантеоне русской национальной культуры, у кого нет вины перед «инородцами» Империи.

Не дай Бог войны любой. Сердце наших предков щадящее, умеющее страдать за чужую боль и несчастье. Мы — мусульмане 1300 лет. Народ покорный, нас не надо покорять, нас надо понимать. Истинный казах — друг всего живого. Война всех нас отбросит далеко назад, в пещерный век. Я имею в виду нравственное измерение войны. Во имя собственного благополучия и процветания вашего народа,— а мы искренно желаем этого,— вы, именно вы, передовые представители русской нации (а не мы, непослушные подданные недостроенной «Неовизантийской державы»), должны немедленно осудить исторически грязную затею «комитетов», военных, монархистов да казачьих атаманов, а не продолжать живописать «Русь священную»... Невозможно строить счастье и благополучие одного народа за счет несчастья других. Нынешний тупик, в котором оказалась Российская империя, перекрашенная в красный цвет, вместе со своими «младшими братьями» воспринимается как закономерный итог истории. Нельзя быть рабовладельцем, не пре-

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ НОМЕРА

СМЫСЛ СВОБОДЫ — В ЖИЗНИ...

Человеку свойственно неистребимое стремление к свободе. Вся история цивилизации наполнена желанием одних навязать свободу для себя — другим. Беда тому, кто согласен жить чужой свободой. Что такое осознанная необходимость! Осознает ли то, что это необходимость, животное, рвущееся из клетки! Свобода — это как дважды два — четыре. Свобода для человека — это личность Христа, это право выбора и ответственность перед Богом. В ней — стержень искусства.

Мои картины — большие они или маленькие, хорошие или плохие — родились из этой тоски по свободе, потому что только в творчестве я по-настоящему счастлив, забываю о своем «я», становлюсь частицей чего-то. Эти картины родились из жизни моего отца, которого я бесконечно любил, из его страдания, из его лагерей и тюрем, из его стремления к свободе. Эти картины родились не от избытка, а от недостатка.

Я работаю с 15 лет, но в конце концов мой опыт сегодня — это опыт преодоления пошлости, немоты, навязанных концепций. Я писал людей, рынки, вокзалы, пивные, троллейбусы, улицы и магазины, пытаясь осознать себя в мире, изложить факты и, опираясь на реальность, стать чуть повыше. А хочется прийти к чему-то более высокому, преобразовать стихию в пластику, потому что смысл свободы — в жизни, в соответствии ее высоким законам.

Последние несколько лет, после открытия границ в нашей стране, в мире лучше узнали наше изобразительное искусство. Порой оно принимает «этнографические» формы. Однако принципы искусства едины для всех. Ведь «Артцентр» был в душе у Генри Мура так же, как и у Хокусаи. Мы живем на шаре, и от всех до неба одно расстояние. Кто знает, может быть, наши трудности, тотальное давление родили известное противостояние, некоторую внутреннюю дисциплину, возможно — зародыш чего-то нового.

Лев ТАБЕНКИН

ЛЕВ ТАБЕНКИН

Дождливый день

Танцы

В парке

Рынок

вращаясь самому в раба. Этого не избежал даже такой гигант мысли, как Платон, которого заботило благополучие проклятой рабами и плебеями державы. Он оказался в ее плену! Как, кстати, и Д. С. Лихачев.

Трагедия Российской империи — в ее «особом пути», действительно не похожем на путь ни одной из цивилизаций мира. Здесь все явления имеют свое «особое» имя: террор обыкновенный называется революцией, всеобщий мор — коллективизацией, рабство — крепостничеством, монарх или деспот — секретарем (иногда первым или генеральным), насилие — демократией, диктатура — народной властью, произвол — законом, все зияющее — сияющим... А для того, чтобы простой смертный до смерти не мог разобраться в сути вещей, все это прикрывается громким эпитетом «социалистический», то бишь «особый».

Передовая русская интеллигенция! Защитите родную вам культуру от нашествия политической безнравственности, лжи и цинизма, от вооруженного вторжения в нее морали черносотенцев и наряженных полчищ Ермака. Пусть не унижают великий дух вашего народа бесшабашные толпы так называемого «русскоязычного населения» вокруг парламентов суверенных республик.

Украинцы, белорусы, поляки, евреи, братья-мусульмане Балтии! Помните! На вашей этнической родине ваши народы также борются за то же самое, что и гордые свободолюбивые народы Прибалтики,— за подлинную независимость и национальное возрождение. Будьте достойны своих собратьев по крови! Не подвергайте святое имя родной вам нации проклятию. Поддержать слабых — нравственный долг человека перед Всевышним! Мы обязаны быть рядом с борцами против общего ига Империи, топчущей нас, унижающей наше человеческое и национальное достоинство. Мы не против русских, мы против злой и ненавистной Империи. Не поддерживайте шовинистов и колонизаторов, какую бы песню они ни напевали. У нас общая судьба. Они прикрываются ныне якобы интернационалистским названием «русскоязычное население». Лингвистический признак становится суррогатом этнического. Это результат «словотворчества» «комитетчиков», их полной некомпетентности в социальных и политических процессах жизни. Они наводят тень на великий язык Пушкина, Лермонтова и Толстого. Они видят лишь голубые, некогда модные мундиры. Все это настоящий вздор! Выходите из рядов Интерфронта и его «комитетов», возглавляемых парткомами и КГБ, обнажайте их имперскую сущность. Наше национальное возрождение не должно чинить никому зла. Ратуя за справедливость, мы не должны насаждать несправедливость. Наше дело правое перед Богом и людьми. Время шпионов безвозвратно уходит. Движение истории необратимо.

«Притеснения русскоязычного населения» — миф, созданный для удушения национально-освободительного движения и увековечения русского колониализма. Миф популярен даже в Казахстане, где «русскоязычное население», русский язык, дух, образ жизни и мысли занимают господствующее положение во всех сферах жизни — политике, экономике, идеологии и культуре, где в свою очередь, 99,7 процента чабанов, табунщиков и скотоводов — казахи и все казахское население — в загоне, где коренные народы прозябают в нищете и бесправии: каждый второй казах болеет туберкулезом, третий — бруцеллезом; вымирают люди Арала и Семипалатинска от лучевой и химической чумы, резко растет число больных детей, детская и материнская смертность.

Однако в результате деятельности в интересах «русскоязычного населения», считающего Казахстан своей «родиной», осушается и заражается химикатами и нуклеидами среда обитания. Мало того, «русско-

язычное население» претендует на перестройку политической картины Казахстана. Уповая на сильное давление, колониалистски интерпретируя международные правовые акты, они, наши «домашние» колонизаторы, и знать не хотят, что казахская земля неделима, что казахская нация на своей исторической территории является исключительным носителем суверенного права, что земля, богатства недр Казахстана — прежде всего достояние казахов. Мы народ щедрый и великодушный, но не настолько, чтобы позволить распоряжаться и командовать нами и нашим достоянием кому бы то ни было извне или изнутри. Потомки не простят. Землю неделимой передали нам предки наши ценой крови, и мы не собираемся уступать ни клочка, будем защищать ее так же, как наши отцы и деды защищали исконно русские рубежи. Однако мы не скрываем, что на нашей земле, как и прежде, найдет приют всякий, кто добр, кто уважает наши законы, обычаи, святыни, культуру, язык и быт, не оскверняет землю и воды, приумножает наше достояние. Мы так созданы и будем блюсти заветы наших великих предков. Всегда надеялись и продолжаем надеяться на взаимопонимание. Лишь тогда наступит подлинный мир и гражданское согласие на казахской земле, навсегда будет покончено с национализмом в любой форме...

Вторжение в Балтию лишний раз доказало, что у нас, у нерусских народов, не было и нет своей армии, милиции, тем более своего КГБ, «родной» КПСС. Мы своим трудом и богатством своих недр их вооружали, строили для них танки, одевали, кормили, а нас давят этими танками, стреляют в нас в час испытаний нашей свободы и воли. Морят голодом. Нельзя точно сказать, чьи они, но я определенно могу предположить — это я познал в декабре 1986 года,— они не наши. Возникает вопрос: чьи? Наши взоры обращены на вас, русские люди. Я знаю: ответ непростой. От них страдаете прежде всего вы сами. Но признайтесь, в этих учреждениях господствуют ваш язык, культура, дух, привычки... Да, простой русский народ, вы здесь ни при чем. И я вас не обвиняю. Я утверждаю совершенно иное: во всех указанных и не указанных случаях команды «стрелять», «пускать», «разрешить», «запретить» или обратные звучат на этом языке, а не на языке инопланетян. А господство языка есть лишь следствие. Вы народ мудрый, вам ведомы сложности жизни, жизни не личной, а большой, коллективной, национальной, ее радости и невзгоды. Вкус свободы знает хорошо тот, кто ее лишился. Нам, малым народам, жить сложнее вдвойне. Мы признаемся, что не можем конкурировать с вами. Вы лучше организованы, предприимчивы, обладаете огромным по сравнению с нами историческим и социальным опытом, знаниями. Мы в них нуждаемся. Но мы просим: не мешайте нам самим обустроиться по собственному усмотрению, коллективно, национально...

Я призываю Президента Казахстана создать собственные армейские подразделения, МВД и КГБ для защиты нас, казахов, миролюбивых казахов, от наступления «наших» и призываю парламенты союзных республик, в том числе РСФСР, не подписывать Союзный договор. В том виде, который несет еще одну форму порабощения народам СССР. Мои опасения небеспочвенны. Лучше жить врозь, как соседи, но в мире и согласии, нежели под одной крышей, но в вечном раздоре. Примите это письмо как «вздох угнетенной твари», как выражался «отец красных идей».

Алма-Ата

Перепечатывается из газеты «Экспресс-Хроника», 1991, 19 февраля.

Микола Руденко

ВКУС ЯБЛОКА

В августе прошлого года президентский указ вернул гражданство СССР тем деятелям культуры, которые ранее были незаконно его лишены. Было в списке имен и имя украинского поэта, писателя, правозащитника Миколы Руденко. Справедливость наконец-то восторжествовала.

Поэт родился на Украине в селе Юрьевка Ворошиловградской области в 1920 году. В годы войны находился в действующей армии, на передовой, был политруком роты. Тяжелая рана — память о Великой Отечественной — мучает его и по сей день.

Первый сборник стихов «Из похода» увидел свет в 1947 году, позднее выходят другие стихотворные сборники, а также романы и повести.

В период хрущевской «оттепели» многие представители украинской интеллигенции как бы прозревают, на многое у них открываются глаза. Не является исключением и Микола Руденко. Его приход к правозащитному движению был вполне закономерен. Начав с подписей под петициями в защиту несправедливо осужденных, он в конце концов приходит к созданию «Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений», которую и возглавляет. В итоге в 70-е годы его перестают печатать, а потом и вовсе исключают из СП. 5 февраля 1977 года Миколу Руденко арестовывают. Суд состоялся 1 июля в Донецке, поэт был приговорен к 7 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки.

Сажают и его жену, верную соратницу по борьбе, Раису Руденко, по обвинению в антисоветской агитации «путем распространения антисоветских произведений» — статей и стихов мужа.

Ссылку супруги отбывают вместе на Алтае. Правда, кончилась она относительно быстро, потому что в результате общей либерализации в стране и так называемого «горбачевского» помилования поэт был освобожден.

Возвращаться, однако, было некуда. В январе 1988 года, прежде всего из-за бытовой неустроенности — конфискованную в Киеве квартиру возвращать никто не собирался — Раиса и Микола Руденко уезжают сначала в ФРГ, а потом в США.

Недавно поэт вернулся на Украину. Сейчас живет и работает в Киеве.

Евгений ДАНИЛОВ

В БОЛЬНИЦЕ

Тюремная больница сереет на горе —
Из дерева и глины облупленный барак,
Сюда приводят раны — тем чаще, чем старей.
Передохнуть сумей-ка, счастливый мой бедняк.

Раз в год по разнарядке здесь нежишься-лежишь —
Лишь не храпел бы сильно случайный твой сосед.
С крылечка видно волю — три сотни серых крыш.
Какая всё же серость — сей деревянный свет!

Так строились наверно, когда пришел Монгол —
Лишь не было колючки да между ней ворот.
На западе, над хмурью больших мордовских сел,
Над лесом — покрывало багряное встает.

Закаты в моей жизни — одно из тех начал,
Что вырастили в сердце стремление в полет.
Просторы поднебесья! Как поздно я узнал,
Что нас врачует только открытый небосвод.

Кружат вороньи стаи, теряются в полях.
Слежу болезным сердцем я птиц свободный лет:

Там, где садится солнце, есть стародавний шлях
От этих гор мордовских до Золотых ворот.

Еще Владимир грозный оставил здесь следы:
Мордовцев миновали — спешили до Булгар.
Искали веры русы в соседях,— не вражды.
Был погасить не в силах Аллах Перунов жар.

Я тоже алчу веры. И те, кто здесь, в земле
(С Полтавщины, из Львова) — за веру полегли.
Несут их тихо зори на розовом крыле:
Им жить поближе к Солнцу, подалее от мглы...

Вороны нагуляли прекрасный аппетит —
Горланят — наконец-то зимы пропал и след.
Те черные пичуги — по серому петит:
«Дороги на Украйну тебе, приятель, нет».

16 апреля 1981, Мордовия

Перевод Валерия СТЕЛЬМАХА

СТОНЫ ГУЛЛИВЕРА

На губах ощущаю болотную ржу,
А в распятое тело впиваются путы.
Среди леса в траве отсыревшей лежу —
Как же крепко связали меня лилипуты.

Чуть не целую жизнь среди них я провел —
Но почуял свободу и стал вырастать я.
Из молелен их курьих однажды ушел,
Мне тесны оказались их мысли и платья.

Я не стал патриархом, жрецом темноты,
Что себя величает и Правдой, и Светом.
Сколько гнева я вызвал. Слепые кроты,
Как жестоко они отомстили за это.

Но, однако, мой рост удержать не смогли,
И покинул я их города и селенья,
И увидел, как там —
Среди грязи и мглы —
Вверх взирали они
В страхе и озлобленьи.

Малевали своих лилипутских вождей.
Все хотели, чтоб гнул перед ними я спину.
Но сегодня я словом таким овладел,
Что земное с небесным связал воедино.

Жаль, Земля, мне твоих неразумных детей,
Чья душа до небесных высот не поднялась.

Сам во мраке я прожил полжизни своей,
И не ненависть к ним ощущаю, но жалость.

Одурманены ложью, живут в полусне,
Как проклятья шаманские, шепчут цитаты.
Нерешительно топчутся ныне по мне,
Но не вырасти им, как земному их брату!

...Мои пальцы шевелят болотную ржу,
Кровь во рту, лай овчарок мне рвет перепонки.
Весь распятый, под небом мордовским лежу,
И кричу, чтоб услышали, резко и звонко.

2 декабря 1979, Мордовия

ЖАЖДА МОЛИТВЫ

Когда ударит гром в вышине,
И запахнет сеном над зоной —
Я Бога молю: дай увидеть мне
Украину в рощах зеленых.

Её детей и её луга,
Её дивчин строгие взоры,
Жатву обильную и стога,
В огородах ряды помидоров.

Стрех уже не увижу. В кирпичных домах
Крыши — шифер да черепица.
Отчего ж так нерадостно в наших садах?
Неутешна печаль на лицах?

Холодильник, «Москвич» иль мотоциклет
В каждом доме,— но нету покоя.
Вопросишь: «Почему?»
А тебе в ответ:
«Выпей лучше, что баять пустое».

Отказавшись от стопки, выйду в поля,
С Богом чувствуя единенье.
И туман, которым одета Земля,
Оформится белым виденьем.

Продолженьем тумана —
Встанет жена,
Для нее обернусь росинкой.
Кораллы планет одела она,
Млечный Путь — превратился в косынку.

Клубятся волосы-облака,
Она стонет так страшно, так тонко.
Землю, танками смятую, гладит рука,
А другая держит ребенка...
. . . .

Как же бьется сердце — слыхать в раю,
Сжала боль — не вымолвить слова.
О, Господи! Жизнь забери мою,
Ибо нет ничего иного.

26 ноября 1979, Мордовия

ВКУС ЯБЛОКА

Вы ели яблоко в садах моей Украйны?
Нет, вы не ели...
Вкус постигнешь лучше,
Когда в тюрьму их принесёт случайно
В обличьи близких твой счастливый случай.

Когда тебя баландою постылой
Покормят лет пятнадцать или десять.
Возьми ранет и откуси, мой милый,
Ты всё сумеешь оценить и взвесить.

Их вкус тебе напомнит о свободе —
Разжуй не торопясь — поймешь немало...
О, Господи! Неужто ж в огороде
Вот этот клад валялся где попало?

Пепин с ранетом были удобреньем.
Нам подбирать надоедало груши...
Был свет в душе. Я не искал спасенья.
Беда ещё не опалила души.

А мир жесток, и дьявол нами вертит,
Но с Богом ты пройдёшь огонь и воду.
И лучше умереть голодной смертью,
Чем сытым быть, но не любить свободу.

4 ноября 1980, Мордовия

* * *

Я сбегал от людей,
В плен древесной задумчивой
свиты —
Не бросает меня
Память сердца в тюремных оковах.
Как глядели в пруды
Дорогие мои фавориты —
Как сияло над ними
Солнце, точно Господнее Слово.
Я стихи им читал,
Я такие слагал им
Рассказы —
Лишь орлица слыхала
В небесах
Да тихоня-река.
И никто из них
Все мои тайны
Не предал ни разу.
И ложилась на плечи
Мне росистая ветка-рука.
Были мы — как семья.
Нас связали незримые нити —
Струны Логоса —
Дух,
Им живится Господня Земля.
И известно лишь им,
Правду ль я говорю,— не взыщите:
Нынче только они,
Верно, помнят ещё про меня.

21 октября 1980, Мордовия

Переводы Евгения ДАНИЛОВА

Леопольд Авзегер

ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО ЦЕНЗОРА*

За все годы существования Советской власти нигде не промелькнуло даже намека на то, что в СССР практикуется цензура письменной корреспонденции. Напротив, ее наличие всячески отрицалось, и вообще на данную тему не принято было говорить. Если возникало щекотливое положение, например, на политзанятиях или на лекции кто-то затрагивал этот вопрос — партийные, советские работники мгновенно ссылались на «сталинскую конституцию», гарантировавшую сохранение тайны переписки. Конечно, многие этому не верили, хорошо зная, что пресловутая конституция никем не соблюдается, что ее демократические установления далеки от повседневной практики, как небо от земли. Но вступать в споры мало кто отваживался, так как любое возражение немедленно приравнивалось к попытке «подрыва советской демократии», а что это такое — отлично знал любой советский гражданин. И для многих существование тайной цензуры было секретом Полишинеля. Но едва ли хоть один из непосвященных представлял себе, как она осуществляется на деле, как организована, кому доверена, где «заседает» и каким образом действует при различных обстоятельствах, не говоря уже о том, каковы последствия ее деятельности. Ответить на все эти вопросы в состоянии только тот, кто сам принимал участие в «тихой» цензурной работе. Так вот, мне довелось преданно трудиться на разных участках этой совершенно секретной службы, по каковой причине я в мельчайших деталях знаком со всей процедурой негласной перлюстрации корреспонденции в Советском Союзе. Разоблачение скрытой от глаз людских возни кротов, именуемых тайными или негласными цензорами, я думаю, не может не заинтересовать всех людей доброй воли, которым о чем-то говорят такие понятия, как «права человека», «свобода волеизъявления» и другие. Я готов выступить свидетелем на любом процессе, где пойдет речь о нарушении в СССР одного из элементарнейших прав человека — права на сохранение тайны переписки. Я готов представить доказательства, что у гражданина СССР такого права нет, хотя законом оно ему гарантировано.

Рассказывая о цензуре и ее тайной деятельности, необходимо заметить, что условия, в которых она может успешно существовать, имеются только в тоталитарных государствах, где власть находится в руках кучки «вождей», опирающихся на могучие полицейские силы, призванные подавлять малейшие поползновения граждан к свободе, демократии, законности.

В один прекрасный день меня вызвал мой непосредственный начальник и старый приятель Петя Черенко и сообщил, что очень сожалеет, но вынужден со мной расстаться, так как уже окончательно решен вопрос о моем переводе на негласную работу. В назначенный час в условленном месте, в центре Читы, я должен встретиться с Федором Игнатьевичем Новицким, под чьим руководством мне придется отныне действовать. С Новицким я был знаком довольно хорошо, мы вместе

* Название дано редакцией. Журнальный вариант главы «Тайная советская цензура» (из книги «Черный кабинет», Издательство «Хокен», Тель-Авив, б. г.).

ходили на занятия в вечерний университет марксизма-ленинизма, иногда встречались в отделе «В», то есть в здании управления читинского МГБ. Тем более странной выглядела затеянная конспирация. Но приказ есть приказ, и через некоторое время я отправился на встречу с Новицким.

— С этого момента,— начал он,— вы уже негласный сотрудник нашего отделения, поэтому вам следует выработать в себе навыки соблюдения строжайшей конспирации. Никогда и нигде вы не должны забывать об этом первейшем правиле вашего поведения в обществе. Конспирация, конспирация и еще раз конспирация! Вот мы сейчас с вами направляемся к месту нашей работы. Оба мы обязаны вести себя так, чтобы никто из друзей или знакомых не знал, куда мы идем. Особенно тщательно мы должны следить за тем, чтобы ни одна живая душа не заметила, куда мы входим, то есть, чтобы никто не догадался, в каком здании находится наше учреждение...

Мы подошли к вокзалу. Мой спутник не спеша оглянулся кругом, личным примером показывая мне, как надо на практике применять полученные теоретические знания, и, убедившись, что нас никто не выслеживает (о, Боже, а кому мы были нужны?!), ввел меня в специальное помещение здания привокзального почтамта.

Вот таким образом я попал в «ПК», отделение тайной цензуры почтовой корреспонденции, куда буду приходить отныне каждое утро, а затем и по вечерам в строго определенное время, соблюдая все правила конспирации. Довольно скоро я понял, что для меня началась совершенно иная жизнь, резко отличавшаяся от жизни всех моих знакомых и друзей...

Когда я впервые переступил порог цензорского зала, меня поразила царившая там могильная тишина. Все сидели за своими рабочими столами, все сосредоточенно читали чужие письма. Ни один даже не пошевелился, не поднял голову, чтобы посмотреть, кто проходит мимо. Выучка у цензоров железная: ничто постороннее не должно отвлекать их от порученного дела, ни к чему и ни к кому проявлять любопытство не положено.

Фактические сотрудники тайной цензуры считались работниками органов госбезопасности, но в здание областного управления МГБ кроме начальника отделения Новицкого, его заместителя и начальника международного отделения никто из них не имел права входить. Только они имели пропуска, дававшие право на вход в «святую святых». Такой порядок также объяснялся требованиями конспирации: никто не должен был догадываться, что между каждым из нас, тайных цензоров, в отдельности и тем грозным учреждением может быть какая-то связь. Далее выяснилось, что в связи с конспирацией все сотрудники «политического контроля» приходят на работу по отдельности, каждый в строго определенное время, точно так же после работы отправляются домой. Нарушение этого графика равносильно нарушению дисциплины.

Что я испытывал, вступая в призрачную кафкианскую жизнь тайного сотрудника «ПК»?

Был я в то время еще очень молодым человеком, жизни как следует не знал, опыта не имел и свято верил в ленинские догмы, почерпнутые из газет, журналов, книг, докладов и лекций в вечернем университете марксизма-ленинизма. Кроме всего прочего, я был тогда буквально ослеплен характером своей деятельности и даже гордился тем, что принадлежу к элите советского общества. Поэтому не сомневался в верности избранного пути...

В нашем отделении «ПК» трудилось всего 78 человек. Это были

постоянные кадры, редко покидавшие насиженные места. Сокращение штатов исключалось. Штат мог только увеличиваться, так как работы не убавлялось, а наоборот, с каждым годом становилось все больше и больше. Между сотрудниками существовало строгое разделение труда, весь состав подразделялся на группы:

Оперативный состав — шесть человек.
Группа «Списки» — десять человек.
Группа «Вскрытие» — четыре человека.
Фото- и химобработка — три человека.
Цензорская группа — пятьдесят пять человек.

Кроме того, имелся специально подобранный сотрудник, занимавшийся исключительно анонимными письмами и листовками. Была и постоянная охрана.

От основного костяка «ПК» зависела не только судьба писем, но нередко и судьба их авторов.

Первыми в закуток-предбанник входили сотрудники группы «Списки». Они готовили для всего «ПК» фронт работы и являлись обычно в шесть утра. В половине седьмого начинала свою работу группа «Вскрытие». Затем с шести тридцати до шести сорока пяти являлось начальство, с интервалами в две-три минуты в это же время приходили оперуполномоченные, старшие групп, переводчики. И, наконец, с семи до восьми один за другим с теми же интервалами появлялись цензоры. Таким образом, цензорский аппарат Читы к восьми утра на полную мощность разворачивал свою деятельность.

Как же на деле осуществлялась тайная проверка корреспонденции? Как выглядела технология перлюстрации?

Приступая к работе, цензор уже находил на своем столе определенное количество вскрытых писем. Согласно правилам служебного распорядка, кроме этих «документов», он не имел права класть на стол никаких посторонних предметов. В столе имелось несколько перегородок, и все «задержанные» письма складывались в них. Отдельно накапливались «документы» для «оперативного использования», отдельно — для химической проверки, отдельно — «до выяснения» и так далее. Особое значение придавалось чистоте рабочего места. Приступая к занятиям, цензор обязан был прежде всего дочиста протереть стол и вымыть руки — это делалось для того, чтобы на письмах ни в коем случае не оставались следы, в том числе видимые отпечатки пальцев проверяющего.

При извлечении «вложения» из конверта необходимо было обратить внимание на то, чтобы после проверки оно было возвращено в конверт в прежнем виде, то есть такой-то стороной кверху, сложенное по всем прежним загибам. Внимание, наблюдательность считались неотъемлемыми качествами цензора, без них он и шагу ступить не мог. Так, нам вменялось в обязанность обращать внимание на оттиск штампа гашения марок, на следы клея на клапанах, на чернильные оттиски после парового вскрытия. Все указанные «мелочи» служили нам ориентирами, которыми руководствовались, вкладывая письмо обратно в конверт.

Вложение из него следовало вынимать осторожно, обязательно над самым столом, обращая при этом внимание на то, чтобы ничего из письма не выпало и не потерялось, особенно небольшие фотографии.

Перлюстрация одного письма продолжалась от двух до четырех минут. В это время никто не имел права подойти к цензору, отвлекать его от работы, которой он занимался. Вообще во время перлюстрации в цензорском зале царила мертвая тишина. Цензоры целиком были по-

глощены «обрабатываемыми документами», изучением, взвешиванием, оценкой мыслей авторов писем. По характеру почерка опытный цензор мигом определял, к какой категории людей причислить отправителя и какое письмо у него в руках — от школьника ли, от старца, от мужчины или женщины. Разумеется, нетрудно было усмотреть также, написано оно грамотным человеком или неучем. Уже на основании этих поверхностных наблюдений он был в состоянии сообразить, заслуживает ли данное письмо более серьезного внимания или достаточно его только мельком пробежать глазами. Редкий случай, чтобы что-то существенное ускользнуло от бдительного ока тайного цензора.

В Советском Союзе большинство граждан, имеющих опыт общения с власть предержащими, хорошо знают, о чем можно писать в письмах и о чем следует умолчать. Тем более удивительно, что сплошь и рядом умные, умудренные жизнью люди давали волю своим чувствам и мыслям и в своих письмах проявляли недовольство различными явлениями советской действительности. Объяснить это можно, наверное, и тем, что уж больно много накапливалось недоуменных вопросов, недовольства, разочарования, а то и просто гнева, вызванных чудовищными неурядицами жизни, непрекращающимися преступлениями правящей партии. Видимо, невмоготу было держать рот на замке, и некоторые граждане с риском для себя делились с друзьями, родственниками, знакомыми всем, что накопилось на душе. Хорошо помню: во множестве писем речь шла о мероприятиях партии и правительства, о беспрерывно проводимых кампаниях, таких, как подписка на заем, борьба за досрочное выполнение пятилетнего плана, за подъем производительности труда, повышение урожайности и т. д. и т. п. И нередко в этих письмах встречалось враждебное отношение к нескончаемым авралам, которые сами по себе являлись красноречивым свидетельством неблагополучия советской экономики и культуры. Правда, в большинстве из них все-таки выражалась признательность партии и «лично товарищу Сталину», но остается лишь гадать, насколько искренними были подобные патриотические послания. Скорее всего, они служили некой ширмой истинных дум и устремлений их авторов, проще говоря, писались для отвода глаз начальства. Люди ко всему привыкают. Вот и к кампаниям лжи и террора привыкли и покорно выполняли или делали вид, что выполняют, «предначертания» партии и ее «гениального вождя».

Часто попадались письма, в которых сообщалось о низком уровне жизни, об огромных очередях в продуктовых магазинах и отсутствии в них необходимых товаров; о фактах бесхозяйственности, различных неувязках на заводах, очковтирательстве, дутых рекордах и снижении норм выработки; о частых простоях, хищениях государственной собственности и беспробудном пьянстве на производстве и в сельскохозяйственных кооперативах; о вопиющем неравенстве между рабочими и колхозниками, с одной стороны, и их начальством — с другой.

Встречались даже письма с откровенным выражением вражды, ненависти к советскому строю и коммунистической партии, звучали и угрозы в адрес «супостатов»...

Я, убежденный коммунист, верой и правдой служивший «партии и народу», впервые столкнулся с такой лавиной недовольства, с таким неприкрытым гневом в адрес правителей страны, всего социалистического уклада жизни. Я был потрясен, но все еще цеплялся за старые формулы, когда-то кем-то придуманные для оправдания жесточайших репрессий против недовольных: «враги народа», «троцкисты», «кулаки», «подкулачники», «буржуазные националисты»... Боже мой, сколько же лютых врагов у партии большевиков, у советского правительства, лично

у товарища Сталина! Десятилетиями их истребляют, а они с каждым годом множатся, и несть им числа. Как поздно я созрел и пришел к правильным выводам!

Отделения «ПК» были призваны бдительно следить за тем, чтобы все высказывания граждан в письмах соответствовали установкам партийной пропаганды. Только письма, отвечавшие этому основному требованию, беспрепятственно пропускались по адресам назначения. А вот послания, содержавшие крамольные мысли, просто-напросто задерживались. Не доходили до места назначения — и баста. Мало ли случайных промахов допускают почтовые работники? И если письмо не дошло до адресата — всегда можно свалить на почту.

В своей деятельности отделения «ПК» руководствовались совершенно секретной инструкцией МГБ СССР — беспрепятственно пропускались письма семейного, бытового, дружеского, интимного содержания, а также разные сведения из партийной печати и радио без всяких анализов или выводов, неугодных властям. Инструкция обязывала всех цензоров Советского Союза конфисковывать, кроме вышеупомянутой крамолы, еще и сообщения об авариях и катастрофах, эпидемиях, пожарах и стихийных бедствиях, депортациях, массовой смертности, низком жизненном уровне советских людей или восхвалении западного образа жизни, а также сведения, которые, по мнению властей, расценивались как религиозная пропаганда. Эта инструкция постоянно пополнялась все новыми и новыми запретами.

Особое отчаяние звучало в письмах колхозников, людей, доведенных до последней степени нищеты советской властью, задавшейся целью вытравить из крестьянства ту «мелкобуржуазную сущность», которую усмотрел в нем вождь мирового пролетариата В. И. Ленин. У них бесцеремонно отнимали последний кусок хлеба, их эксплуатировали так, как не эксплуатировал ни один «кровопийца-помещик». Поэтому и письма этих людей как зеркало отражали их настроения — озлобленность, ненависть, страх, растерянность. По своему содержанию жалобы колхозников походили одна на другую. Они писали не только о своих личных бедствиях и страданиях, но и в целом о нищете и убожестве колхозной деревни. Открыто признавались, что задарма не желают вкалывать, что их силком выгоняют на работу, что колхозный труд не обеспечивает даже коркой хлеба, что на трудодень получают от ста до двухсот граммов зерна, а чтобы обеспечить семью хотя бы картофелем и капустой, вынуждены вручную обрабатывать свой приусадебный участок. Жалобы на председателей были явлением не столько обычным, сколько закономерным, что не удивительно, ибо председателей колхозникам навязывали «сверху», как правило, из отставных партийных деятелей районного масштаба, мало что смысливших в сельском хозяйстве, зато успешно разбазаривавших и без того убогую колхозную собственность. Многим колхозникам уже нечего было терять, этим я могу объяснить их предельную откровенность. Не следует забывать, что в те лихие годы концлагеря печально знаменитого ГУЛАГа огромному большинству работающих на земле представлялись спасительным оазисом, где хоть положенную пайку хлеба выдают ежедневно. Не в пример колхозу.

В «ПК», естественно, подобные письма квалифицировались как «антисоветские» или «антиколхозные», что по сути было одно и то же. На них составлялись «спецсообщения» в управление МГБ.

В общем потоке писем попадались и такие, которые я бы назвал поучительными. Гражданам свободного Запада трудно понять, почему советские люди постоянно заполняют разнообразные анкеты, строчат автобиографии, просят характеристики. Эти документы обязательно на-

до заполнять, предъявлять при поступлении на работу, на учебу, при получении паспорта в случае выезда в туристическую поездку за границу, даже в «братскую» социалистическую страну... Граждане СССР привыкли к подобной практике и, не задумываясь, заполняют и заполняют требуемые бумаги. Нередко случается, что со временем они уже начинают считать нецелесообразным все о себе сообщать, кое-что забывают, кое-что пытаются утаить. Делается это, понятно, без всякого злого умысла, «просто так». «Бдительное око» поддерживает постоянную неослабевающую связь с отделами кадров всех без исключения предприятий, учреждений, вузов, колхозов, совхозов страны. Не будет ошибкой утверждение, что работники отделов кадров являются одновременно и сотрудниками МГБ — КГБ, которые по долгу службы поставляют органам всю необходимую информацию. А органы внимательно следят за правильностью ответов в анкетах, сравнивают документы одного и того же лица, заполненные в разное время, выискивают несоответствия, после чего «виновнику» приходится объяснять, почему он дает лживые сведения о себе.

Однажды попалось мне любопытное письмо, касающееся анкетных данных. Автор советовал своему другу всегда иметь у себя дома несколько экземпляров автобиографии, разумеется, идентичных. Только так, писал он, можно избежать всяких расхождений в этих документах, а, стало быть, и неприятностей с властями.

Случались в нашей работе и сюрпризы. В списках «ПК» числился некий гражданин, назовем его Иванов. Он был под постоянным наблюдением оперативных работников или тайных агентов Пятого отдела. За ним ходили буквально по пятам. Как-то оперативников заинтересовал неожиданный приезд к Иванову неизвестного лица, по-видимому издалека. Подозрения усилились, когда выяснилось, что гость проживал в доме без всякой прописки, что строго запрещалось советскими законами. Вечером под предлогом проверки документов к Иванову нагрянула милиция. Задержали обоих. В ходе следствия выяснилось, что Иванов в недавнем прошлом совершил крупную растрату. Конечно, это случайность — МГБ уголовными преступлениями не занималось, но случайность показательная, говорящая о том, что бдительность этой организации выше всяких человеческих возможностей.

Бывало и такое: жители СССР, будучи напуганы произволом и догадываясь инстинктивно о наличии письменной цензуры, стремились всяческими ухищрениями ее обойти, обвести вокруг пальца. С этой целью они пускались в эксперименты. Некоторые, например, считали, что достаточно бросить письмо в почтовый ящик другого города, другой области, лучше всего в Москве — лично, если случится там быть, или через кого-то из знакомых, отправляющихся в столицу. Откуда им, беднягам, было знать, что органами госбезопасности и такие случаи предусмотрены?! Тщательно, строже, чем обычно, «обрабатывались» именно такие «документы». Их вылавливала группа «Списки» соответствующего города, и если в них содержалось хоть что-нибудь, представляющее интерес для чекистов, возвращала по месту жительства автора, но уже с соответствующей сопроводиловкой, в которой указывалось, что «документ» направляется для «оперативного использования». Такое письмо возвращалось по вполне понятной причине: подразумевалось, что в городе, где проживает и трудится его автор, он может и должен стать объектом пристального наблюдения и дальнейшей «разработки».

Были и такие, которые писали анонимные письма или письма с вымышленными адресами отправителей, полагая, что таким путем все следы будут для цензоров заметены, а получатель по почерку, по содержанию письма догадается, от кого оно. Напрасный труд! Таким хитрецам не было известно, что группа «Списки» изучала характер и особенности почерка каждого человека, числившегося в их святцах. И если это оказывалось письмом от такого зарегистрированного «корреспондента», то вероятность его доставки адресату сводилась к нулю.

О том, что людям, независимо от чина и ранга, свойствен такой невинный порок, как любопытство, хорошо известно всем. Так вот, любопытством грешили и работники «ПК». Уж кому-кому, а им для удовлетворения этой страстишки были созданы все условия.

Уже упоминалось, что группа «Списки» просматривала все письма. Однако в обязанности ее работников вовсе не входила их читка. Напротив, им даже строго запрещалось этим заниматься. Читка считалась прерогативой других лиц, а именно — цензоров. Но как было обыкновенным смертным удержаться от соблазна? Особенно если на конверте стояла фамилия друга или врага? Как было не задержать, не вскрыть затем любопытное посланьице, из которого можно было почерпнуть столько интересных сведений? Им тоже хотелось узнать сокровенные мысли, намерения своих подруг, соседей, знакомых, ведь иного пути для этого не было. А узнав, разве не чувствуешь свое превосходство над «простыми» согражданами, свое чуть ли не божественное всесилие?

Я не берусь утверждать, что почерпнутые из писем сведения не использовались ими во зло авторам. Скорее даже наоборот: несомненно использовались. Но при этом приходилось соблюдать величайшую осторожность, чтобы «жертвы» не догадались об источнике осведомленности новоявленных всезнаек, так как это грозило крупными неприятностями. Вы скажете, что такие поступки аморальны? Позвольте, чем они аморальнее работы тайных цензоров, всего огромного аппарата МГБ — КГБ, призванного заниматься исключительно выявлением образа мыслей советских граждан и суровым наказанием инакомыслящих? То, что дозволено в государственном масштабе, несомненно становится и правом отдельной подловатой личности, поэтому бороться, искоренять надо прежде всего не маленький порок данной личности, а огромное вселенское преступление института, наделившего хилую личность таким правом совершать беззаконие.

У меня тоже были друзья, родственники, с которыми я переписывался, причем довольно активно. Всю корреспонденцию я получал «до востребования». Объяснялось это тем, что мы с женой много работали, квартира наша была заперта, отчего письма получать было некому. Надо учесть, что в те времена, о которых я рассказываю, далеко не все дома были снабжены почтовыми ящиками, как в наши дни. Там же, где ящики имелись, часто «работало» хулиганье: вытаскивали газеты, письма, баловались тем, что поджигали их. Так вот, мы не являлись исключением из общего правила: и наши письма подлежали проверке, и нам не шибко доверяли советская власть и ее органы. Я помню случаи, когда во время работы или до ее начала кто-нибудь из группы «Списки» (иногда даже собственная жена сотрудника цензуры, работавшая в группе), так сказать, по дружбе приносил цензору его личное послание. И со мной такое бывало, ведь и моя супруга одно время трудилась неподалеку от меня. Конечно, официально этого ни в коем случае делать не разрешалось, но где ж это жизнь умещается в официально ей отведенные рамки! Ничего не поделаешь, приходилось играть с органами в прятки. Я вскрывал адресованное мне письмо, делал вид, что внимательно знакомлюсь с его содержанием, после чего опять возвращал в группу «Списки» для отправки по адресу. Если бы я этого не делал, в поч-

товом отделе «До востребования» заметили бы, что в мой адрес уже не поступают почтовые отправления — нельзя было нарушать святые правила конспирации, во-первых, и железные законы органов, во-вторых. Через день-два, когда я получал на почте уже знакомое мне письмо от приятеля, я прежде всего изображал радость. Затем на виду у девушки, сидевшей в окошке, смотрел, от кого оно, после чего отходил в сторону и делал вид, что читаю его. Я обязан был поступать так, как в подобных ситуациях поступают все нормальные люди.

Наш рабочий день был строго регламентирован. В течение пятидесяти минут мы усиленно занимались перлюстрацией. В это время все мысли, чувства, действия, описанные в письмах, подвергались цензорскому анализу. Затем следовал десятиминутный перерыв, во время которого можно было покурить, перекусить, немного размяться, послушать политинформацию, почитать газету. Однако из конспиративных соображений строжайше запрещалось выходить на улицу. После перерыва вновь воцарялась в нашем зале глубокая тишина, столь необходимая при выполнении такой тонкой, такой нужной и важной работы, как перлюстрация чужих писем. И так — в течение всего восьмичасового рабочего дня.

А что, мы тоже были совслужащими, и на нас распространялись передовые, гуманнейшие советские законы об охране труда.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Сергей Жук

В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Репортаж из конфетной коробки

Черт возьми, я очень люблю деньги! Когда я достаю кошелек, то чувствую себя, во-первых, мужчиной, а во-вторых, взрослым. Две трети жизни я видел настоящих мужчин, которые доставали портмоне, нехотя вытягивали оттуда бумажки... У меня кошелька не было. Все мои деньги хранились в кармане. Первые 86 (восемьдесят шесть) рублей, которые я скопил к тридцати двум годам, я берег в портсигаре, портсигар — в сумке. Сумку украли...

А Михаил Сергеевич денег не любит. Я вот не могу представить Михаила Сергеевича достающим портмоне. За что ему расплачиваться! В магазин он не ходит, в метро не ездит, даже кооперативным туалетом не пользуется. Поэтому я не сомневаюсь, что он никак не отреагировал на Указ Президента СССР о полусотенных и сотенных банкнотах, которые нам обещали обновить до 1000 рублей на нос одного работающего, пенсионерам — до 200 рублей. Он, наверное, тот Указ даже не читал. А нам в последние месяцы — месяцев пять — зарплату выдавали исключительно сотенными и полусотенными бумажками. И все новыми. Бумажки новые, красивые, хрустящие — как настоящие. Краски приятные — бежевые и зеленые, глаз не режут. У меня этих произведений искусства на 2200. Зарплату выдавали! И два раза премию. А куда их девать! Вот они и накапливались в коробочке из-под конфет. А теперь, сказали, обменяют только тысячу. А 1200 куда девать! Выходит, я месяца три работал бесплатно. Для души. На энтузиазме. Как комсомолец на картошке.

Помнится, приношу я как-то такую свою красавицу-зарплату, и к нам приходит соседка. Очень хорошая женщина. Интеллигентная, пожилая, уже лет десять на пенсии. Доктор наук, специалист по камням. Очень интеллигентная. И вот она говорит: не смогли бы мы ей дать 400 рублей сотенными, а она нам — мелкими! А то, говорит, в магазине не меняют. Она на похороны себе отложила 400 рублей и хочет, чтобы в ее коробочке из-под конфет лежали четыре бумажки, а не стопа. Мы ей, конечно, разменяли, не могли отказать. Она была рада чрезвычайно. Какие, говорит, новые деньги! А тут, согласно Указу Президента СССР, нам, работающим, меняют до 1000, а им, пенсионерам, до 200. И то, не как нам — на работе, так сказать, в централизованном порядке, а в районной сберкассе или в райсобесе — и лишь в один день: с ноля часов 23 января по ноль часов 24 января. Ну, то есть за десять-двенадцать часов, поскольку сберкассы работают с 8 до 20, с перерывом на обед, а собесы и того плотнее.

Нам стало жаль соседку. Получилось, что мы ей как будто вместо денег ее холодных камней надавали. Пошли к ней сразу после программы «Время», в которой Анна Шатилова объявила о замене купюр,— был уже одиннадцатый час ночи. А дочь соседки говорит: «Извините, мамы нет,— побежала занимать очередь в сберкассе. Я ее сменю в час ночи, в три — Сережа (муж), в пять — опять мама, в семь — я, а к восьми она подойдет». А как же, спрашиваем, с другими 200 рублями, которые ей в сберкассе не поменяют! А другие, говорит, не волнуйтесь, в собесе, может, поменяют. Надо будет доказать только, что это трудовые доходы, заявление напишем. Вы же, говорит, не виноваты, вы же сами не знали. Мы ей тоже говорим, чтоб она плюнула, но знаете, у пожилых людей такие к старости закидоны! Как будто ее не похоронят без ее четырехсот рублей. Да я все продам, что в доме есть, а уж похороны сделаем. Но она такая упрямая,— и вот теперь у нас с Сережей бессонная ночь, и будильник сломан, а новые, сами знаете, не продаются...

Мне особенно понравилось, как наш бывший министр финансов, а ныне Председатель кабинета министров СССР товарищ Павлов (он вообще симпатичный человек, у него располагающая внешность, очень обаятельный, у него такой тип лица, как у графа Вишенки из «Чиполлино» — у меня в детстве был отлично иллюстрированный «Чиполлино», и там был нарисован такой же Вишенка — толстенький, в очках и серьезненький), так вот, мне особенно понравилось, как товарищ Павлов, который вместо «уплатят» говорит обычно «уплотят», а вместо «медикаменты» — «медикаментры», так вот, этот товарищ Павлов в той же программе «Время» очень удивленно говорит: 50-рублевые и сотенные бумажки что-то очень медленно обращаются. Не иначе, как они циркулируют в теневой экономике. И еще, говорит, мы давно готовились к этой акции: примерно с августа прошлого года. Ну, как раз тогда, когда нам на работе стали платить зарплату новенькими сотенными и пятидесятирублевыми «образца 1961 года»! Это значит, я — участник теневой экономики. И моя соседка, которая побежала в морозную ночь занимать очередь в сберкассу. Мне зарплату платят крупными месяцев пять; в магазинах нет лампочек, тапочек, тряпочек, нет даже будильника, тратить деньги не на что, хотя нужно все — и будильник, и штаны. Деньги, естественно, лежат в коробочке из-под конфет, ждут своего часа, когда можно будет купить хоть что-нибудь. За хлебом с сотенной же не пойдешь. Потому они и не «обращаются». И у старушек, которые отложили потертые и новенькие себе на похороны, тоже не обращаются. Вот умрет старушка (долгих лет ей жизни, ко-

нечно!) — и пойдут в оборот. Деньги-то крупные. Во всем мире крупные деньги самые неповоротливые. Их тратят исключительно на крупные приобретения. Это у дельцов теневой экономики, наоборот, крупные купюры в обороте постоянно, государство им спасибо должно бы сказать. Благодаря сделкам, которые они то и дело совершают между собой,— а сделки эти совершаются, само собой разумеется, с участием работников торговли,— сотенные и пятидесятирублевые и попадают в банк. Так что каким образом от этой акции пострадают те, у кого крупные купюры постоянно в обороте, понять трудно. Но, поскольку товарищ Павлов сказал, что к этой акции готовились давно, я и делаю вывод, что новых денег «образца 1961 года» в 1990 году напечатали побольше специально для того, чтобы обесценить мой труд. И труд вообще. Трудящемуся человеку некуда же девать выдаваемую зарплату, правда!

Если же печатали новые деньги не для того, чтобы обесценить труд, то для чего же тогда еще было печатать новые, хрустящие, красивые! Старых, прежних годов, было мало, что ли! И прежние сотенные и полусотенные лежат у людей без дела: товаров-то нет уже больше пяти лет!

И еще мне понравилось, как будут менять крупные излишки. Или тем, кто вообще не понял, что такое «ноль часов 23 января» и в сутки не уложился. Такие недогадливые люди по наивности своей решили, что ноль часов 23 января наступит в ночь с 23 на 24 января, то есть на следующий день после объявления в программе «Время», и впереди еще ночь и день. Ночью очередь в кассу займут — днем поменяют. Но ведь ноль часов 23 января ударил в ночь с 22 на 23 января, то есть спустя три часа после выступления Анны Шатиловой в программе «Время». Всем бы, послушав Анну, бежать на дежурную почту и отправлять переводом на свое имя скопленные бежевые и зеленые картинки — лишь бы избавиться от них. На почте до 24 часов в тот вечер их еще принимали! Через минуту — уже нет. И действительно так поступили многие сообразительные люди. Очевидцы рассказывают, что в здание Центрального телеграфа трудно было войти, у операторши даже кончились бланки для денежных переводов... Наименее сообразительная часть населения осталась дома ждать утра или побежала, глупая, занимать очередь с ночи и совсем не туда, куда надо. Так вот, мне понравилось, как собрались менять деньги свыше 1000 рублей и свыше 200.

В райисполкомах оперативно создали специальные комиссии по рассмотрению претензий на обмен. Члены комиссий — кристально честные люди! — призваны в каждом конкретном случае тщательно разобраться: трудовым или не трудовым образом заимел человек предъявленные к обмену зеленые и бежевые бумаженции! Честен или не очень источник дохода! В Указе Президента СССР, а также в постановлении к нему кабинета министров СССР говорится, что устанавливать источник доходов члены комиссий должны по запаху предъявленных к замене купюр. Ну, это, в общем, правильно, потому что другого способа, более надежного, нет.

Мне очень нравятся комиссии. Там, где создаются комиссии, всегда торжествует справедливость и явлению дается объективная оценка. Но, не в обиду комиссиям будь сказано, все же не такая высокая справедливость и не такая объективная оценка, как тогда, когда за дело берется КГБ ЦК КП СССР. КГБ разберется в чем хочешь. Президентским Указом сотрудникам КГБ разрешено в случае необходимости брать банковское дело на себя, в свои руки. Как в 1917-м. Это совершенно правильно. Там работают классные специалисты в любой области. А финансистов там, наверное, больше, чем разведчиков и контрразведчиков. Очень солидная, денежная организация. КГБ по праву можно назвать НИИ финансов. Было бы просто странно, если бы обмен пятидесятирублевых и сотенных обошелся без участия КГБ. Потому что и сама эта затея, как нам объяснил симпатичный товарищ Павлов, проводится в жизнь из-за того, что в заграничных банках, по собранным разведданным, скопилось 7 миллиардов советских рублей, причем как раз в пятидесятирублевом и сотенном выражении. В один момент эти миллиарды могут хлынуть на территорию КПСС... простите, КГБ ЦК... то есть, СССР.

Товарищ Павлов, бывший министр финансов СССР, не сам это придумал — он лишь довольно точно повторил слова председателя СССР... простите, ЦК ВКП(б)... то есть КГБ СССР товарища Крючкова, который знает, что говорит, уж не сомневайтесь. Мне лично страшно представить, что было бы, если бы акция мирового империализма с 7 миллиардами удалась. Обладатель 7 миллиардов мог бы купить Водовзводную башню с куском кремлевской стены и с сотрудниками музеев Московского Кремля впридачу. Ужас! Предотвращена постыдная сделка века. Теперь, когда купюры «образца 1961 года» признаны недействительными, 7 миллиардов — ага! — прогорели. С 0 часов 23 января 1991 года те западные банки, которые хранят свои подлые, вредительские 7 миллиардов, стали обладателями миллионов бумажек, цена которым 10 копеек за килограмм. Представляю, как рвут на себе волосы дельцы теневой экономики, коррумпированные круги Запада. Ужас!

Правда, империалисты имеют отвагу утверждать, что советские 50 и 100-рублевые банкноты на Западе собирают только коллекционеры и что будто бы их не принимает на хранение даже демократичный Московский Народный банк в Англии. Однако, если поверить этой жалкой клевете времен холодной войны, то получится, что товарищ Андропов... простите, Чебри... то есть Крючков чего-то не знает. Этого не может быть. Господи, это равносильно тому, как если бы Саддам Хусейн сбрил свои густые черные усы!.. Можно с уверенностью сказать, что операция по уничтожению 7 затаившихся загранмиллиардов проведена поистине блестяще.

Но, как говорят в программе «Время», теперь «еще немного о событиях в нашей стране».

Нельзя не отметить, что 23 января в Москве перестали работать телефоны, уличные таксофоны тоже. А кое-кто уверяет, будто они заглохли еще раньше: сразу в 21.10 22 января, когда Анна Шатилова закончила читать Указ. Номера телефонов были блокированы точь-в-точь, как это бывает с телецентром, когда москвичей приглашают задавать вопросы по телефону 217-45-53. Желающих задать свой вопрос так много, что после набора — пауза, а затем следуют какие-то нетелефонные короткие сигналы «занято»: не «пи-пи-пи», а «пипипи!». Но почему в таком случае в тот вечер, когда Анна Шатилова произвела столь ошеломляющее впечатление на публику, и на другой день нельзя было дозвониться даже по «100», чтобы узнать точное время! Невежды утверждают, что это КГБ перекрыл телефонные кабели, чтобы люди не могли договориться о свершении революции. Опять очередной навет!

Кроме того, с раннего утра 23 января и до обеда городские сберкассы (их теперь почему-то называют «сбербанками») никаких инструкций относительно обмена купюр не имели. Не имели, естественно, и новых купюр. Так что занимать очередь с вечера и мерзнуть всю

ночь под дверью оказалось не нужно. Так поступили люди со старым мышлением. Наутро в сберкассах сидели старушки и старички. Их впустили. Они не плакали. Старики и старушки сидели на табуретках, грели свои старые косточки, тихо переговариваясь, терпеливо ждали, когда положение прояснится. Буянили, требовали ответа, уличали работниц сберкасс в самоуправстве люди помоложе. В углу сберкассы стояли по два милиционера с резиновыми «демократизаторами» и смотрели, как люди поведут себя дальше, не дойдут ли до какого эксцесса. (Сотрудники МВД, наряду с сотрудниками КГБ, тоже были привлечены Указом к делу обмена купюр.) Сберкассы наполнились оттого, что Анна Шатилова ясно прочитала: деньги будут менять в сберкассах. Поскольку утром газеты не были доставлены подписчикам, то прочитать Указ глазами «население» не могло. Но в Указе действительно говорится про роль сберкасс, жаль, что сберкассы никакой роли так и не сыграли. Впрочем, почему жаль! Наоборот, блестящая операция!

Одинокие, прикованные к постели до сберкасс не дошли. Лежащие в больницах и проходящие лечение в санаториях денег не поменяли, хотя об этих чудесных людях, наших тружениках, которые выдохлись ненадолго и ушли временно на поправку, чтобы вскорости вернуться в строй бодрыми и здоровыми, в постановлении кабинета министров СССР говорится с особой теплотой и заботой. Да и сам Указ начинается берущими за душу словами, к которым тотчас потянулись сердца подданных: «В интересах подавляющего большинства населения страны...» — потом, правда, чуть безграмотно, но, видно, Указ составлялся наспех: уж больно остро подавляющее большинство населения нуждалось в заботе. Ее нельзя было откладывать ни на день, ни на час — и она пришла в 0 часов, в самый ноль! Поспела, можно сказать, к самому отсчету времени. Спасибо. Наше населенческое спасибо...

Нам вообще с Президентом жутко повезло! Мы его не заслужили. Если бы его не было, его бы следовало придумать. У него большое сердце, в котором найдется уголок для последнего из нас. Человек, который 22 января, до начала программы с Анной Шатиловой, снял с книжки скопленные сперва его предками, а потом и им самим с женой 10 тысяч рублей (ему выдали все сотенными и пятидесятирублевыми), чтобы с утра 23 января, бежать вприпрыжку за машиной, на право покупки которой ему пришла открытка и в очереди на которую он стоял с 1981 года,— этот человек со своим маленьким огорчением Президенту так же дорог, как и та легкомысленная женщина, у которой к утру 23 января в доме, кроме одной скомканной пятидесятирублевки, не было ни копейки; как тот милый человек, который не держал сбережений в сберкассе, всю жизнь складывал свои зарплаты в коробку из-под конфет и вдруг в одну минуту оказался, как начинающий инженер, с 1000 рублями — и от отчаяния, дурак, повесился...

Наши руководители пользуются широкой популярностью в народных массах. На митинге в Москве 20 января 1991 года, всего за два дня до выхода в свет Указа о деньгах, разные люди, не сговариваясь, несли хоругви — прибитые к палкам портреты любимых вождей. Одному бережно пририсовали густые черные усы, другому глаза прикрыли пенсне, грудь третьего украсили связкой орденов... Фамилия одного президента на плакатах и транспарантах соседствовала с фамилиями других президентов — тт. Язова, Крючкова, Пуго, Невзорова... Вы думали, что у нас один президент! А их уже давно несколько. У кого оружие — тот и делает с нами и с нашими сбережениями что ему вздумается. Да, любовно украсили лики наших президентов мужчины и женщины, которые в тот день вышли на манифестацию по случаю кровопролитий в Литве и Латвии. Президенты о кровопусканиях ничего не знали! Они никаких приказов не отдавали! Они узнали о стрельбе и задавливании людей гусеницами танков и бронетранспортерами, как и все мы, из телепередачи! Они — поистине рядовые населения, из народа.

Указ «О прекращении приема к платежу денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года...» — это миролюбивая акция не одного какого-нибудь президента, а дружной семьи президентов. В самом деле, один из них ночью захватил банки, чтобы навести в них порядок; другой увел людей с баррикад — кто на тех баррикадах еще оставался, подвергая свою бесценную жизнь страшной опасности простудиться, побежал в сберкассу; третий президент указ подписал, не глядя, во всем доверяясь своим товарищам... Наши руководители хорошо известны своим миротворчеством не только у нас в стране, но и за рубежом. Заслуги одного отмечены высокими правительственными наградами, заслуги другого — международными премиями...

Мир, покой, цветы, май пришли в каждый дом в первый же день после вступления Указа в законную силу — наутро после минувшей морозной ночки. Михаил Сергеевич, конечно, скажет, что обо всем узнал от Анны Шатиловой. Однако в этот раз ему можно поверить безоглядно: денег у него нет, денег он не любит, деньги его вообще не волнуют, как всякого честного человека. Он любит кушать шоколадные конфеты, а коробки выбрасывает.

0 часов 00 минут 24 января 1991 года

ИЗ ПЕПЛА

Удача: еще одно старое дело извлечено из архивов специального хранения и становится достоянием гласности. Дело вполне рядовое. Вот только судьба той, кому это дело «посвящено», выбивается из многомиллионного ряда.

Во-первых, она выжила. Во-вторых, о том, что с нею произошло, рассказала в книге, получившей мировую известность. Речь о Евгении Гинзбург и ее книге «Крутой маршрут».

Алексей Литвин

ДВА ДЕЛА ЕВГЕНИИ ГИНЗБУРГ

В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ 37-ГО

Брали тысячами способов, они систематизированы в «Архипелаге ГУЛАГ». Ей, например, позвонил Веверс и попросил зайти — минут на сорок! когда вам удобнее! — чтобы уточнить кое-что об Эльвове.

«Я открыла дверь очень смело,— вспоминала Е. С.— Это была настоящая храбрость отчаяния. Прыгать в пропасть лучше с разбега, не останавливаясь на ее краю и не оглядываясь на прекрасный мир, оставляемый навсегда.»

Следственное дело № 2792.
Лист 1. Из постановления от 10 февраля 1937 г.

«Я, начальник, 1-го отделения 4-го отдела УГБ мл. лейтенант Царевский, нашел:

Гинзбург Евгения Соломоновна, с 1932—1935 гг. являясь сотрудником газеты «Красная Татария», содействовала контрреволюционной троцкистской деятельности группы Эльвова (ныне репрессированного), их контрреволюционные суждения против партии и Советской власти скрывала; состоя в это время в рядах ВКП(б), перед партией двурушничала, т. е. совершала деяния, предусмотренные ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР.

А посему, руководствуясь ст. 128, 143, 144 УПК РСФСР, постановил: «Гинзбург Евгению Соломоновну, 1904 г. рождения, еврейку, гражданку СССР, сотрудницу газеты «Красная Татария», исключенную из ВКП(б) в 1937 г. за контрреволюционную троцкистскую деятельность, проживающую по ул. Комлева, дом № 6, кв. 3,

арестовать и произвести у нее обыск по месту ее жительства с привлечением ее к уголовной ответственности по ст. 58-10 УК РСФСР, о чем ей объявить под расписку.

Содержание под стражей избрать — внутренний изолятор УНКВД по ТР».

На листе — подписи Царевского, начальника 4-го отдела УГБ НКВД ТР капитана ГБ Веверса, начальника управления НКВД СССР ТР комиссара 3 ранга Рудя. Есть и автограф Е. С.: «Настоящее постановление мне объявлено».

Она вернулась через 18 лет.

СЛЕДОВАТЕЛИ

Понять, какими были эти люди, можно только из мемуаристики. Как источник в этом плане архивные документы подобны фотопленке, становящейся мертвой на свету. Стиль — это человек? Но протоколы допросов, постановления и заключения бесстильны и, возможно, бесплотны. В самом деле, обмен вопросами и ответами кажется чем-то трансцендентальным. Это даже не новояз. Сначала исчезает смысл, затем агонизирует язык.

Протокол допроса от 15 февраля 1937 г. Лист дела 7.
Вел капитан Веверс.

Вопрос: Вы обвиняетесь в участии в контрреволюционной троцкистской организации и в активной троцкистской борьбе с партией. Признаете ли вы себя в этом виновной?

Ответ: Не признаю. Никакой троцкистской борьбы с партией я не вела. В троцкистской контрреволюционной организации я не состояла.

Все. Конец протокола. Точка. Число. Подписи.

Проходит несколько дней. Е. С. терзается в камере изолятора на Черном озере, вслушиваясь в раздирающее душу форте оркестра, под который дудышами взрезают лед катка конькобежцы. Следствие, надо полагать, готовится к продолжению «психологического поединка».

Протокол допроса от 20 февраля 1937 г. Лист дела 19.
Вел лейтенант Ливанов.

Вопрос: Ваши предыдущие показания неискренни. Намерены ли вы давать правдивые показания?

Ответ: Мои показания соответствуют действительности. Больше показать ничего не могу.

Дата. Подписи.

Закрыть подписи ладонью, загадать: где Ливанов, где Веверс? Исполняя функции, люди становятся абсолютно взаимозаменяемыми — к такому выводу должен прийти беспристрастный исследователь. Следить за ходом мысли можно, когда таковая имеется.

Между тем Е. С. вспоминала:

Ливанов — спокоен и официален. Настаивает на подписании самой чудовищной чуши, всем своим видом демонстрируя, будто «это самая естественная и притом незначительная часть некой канцелярской процедуры».

Бикчентаев — «толстенькая мордочка, из которой глупость сочилась, как жир из баранины», «коротенький розовощекий парнишка с мелкими кудряшками, похожий на закормленного орехами индюшонка». Он и ведет себя, как индюшонок: пыжится, тужится, стараясь войти в роль, напускает на себя свирепость, но когда его ставят в тупик, способен смущаться.

С Бикчентаевым связан курьез. При обыске у профессора Н. Эльвова нашли шутливую записку, где он сравнивает Е. С. с Анной Карениной. Бикчентаев торжествует: «Следствию известно, что ваша подпольная кличка была Каренина. Подтверждаете ли вы это?»

Царевский — землисто-темное лицо и ослепляющие контрастом выгоревшие светлые волосы. 35-летний старик со скрипучим голосом.

Неизменно галантный майор Ельшин. Он «изумляется», осведомившись у Е. С., отчего она такая «бледненькая», будто не зная, что ее допрашивают без сна и пищи уже несколько суток подряд.

Наконец, кокаинист Веверс. Е. С. о его глазах: «Их надо бы в кино крупным планом показывать, такие глаза. Совсем голые. Без малейших попыток маскировать цинизм, жестокость, сладострастное предвкушение пыток»...

Почти все следователи, «проходившие» по делу Гинзбург, были смяты первой чисткой НКВД конца 1937 года, когда некоторые члены «внутренней» партии переводились во «внешнюю», чтобы затем подвергнуться аресту. О Ельшине Е. С. слышала на пересылках, про Царевского рассказывали, что он повесился в камере на ремне, который ему удалось сберечь от шмона. Согласно тюремной «параше», он перестукивался с соседями и давал всем совет ничего не подписывать. Странное для сталинского чекиста занятие...

ИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Царевский Сергей Вячеславович, 1898 года рождения, русский. Родился в Казани, член партии с 1918 года, участник гражданской войны, образование высшее. 31 декабря 1937 г. арестован в Казани за то, что «отстаивал контрреволюционную позицию врага народа Бухарина». Во время следствия заболел. Умер в тюремной больнице 2 мая 1938 г.

Веверс Ян Янович, 1899 года рождения, латыш, член тройки ТАССР с 1935 г. В послевоенное время министр Госбезопасности Латвии. Уволен из органов 12 марта 1963 г. Умер и похоронен в Риге.

Бикчентаев Гарейша Давлетшиевич, 1902 года рождения, татарин, член партии с 1924 г. Окончил Казанский педагогический техникум и областную совпартшколу. В татаро-башкирской военной школе в Казани преподавал обществоведение. С 1931 г. в органах ОГПУ-НКВД. В 1937 г. младший лейтенант госбезопасности. 26 ноября 1937 г. аре-

стован, «изобличен в принадлежности к контрреволюционной право-троцкистской националистической организации». Военным трибуналом Приволжского военного округа приговорен к расстрелу в августе 1938 г. По кассационной жалобе приговор был изменен на 10 лет тюремного заключения с поражением в политических правах на 5 лет и конфискацией имущества. 22 февраля 1940 г. Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла решение о том, что Бикчентаев был осужден по сфальсифицированным материалам. В мае 1940 г. освобожден из Соловецкой тюрьмы и возвратился в Казань. Дальнейшая судьба неизвестна.

Палачи, жертвы? Негодовать, сожалеть? Впрочем, ремесло историка не судить, но понять.

ОБВИНЯЕМАЯ

Открывая том крепко сшитых и пронумерованных документов, более всего опасаешься разочарования. Как часто человеческая память спотыкается «на самом интересном месте»!

Она гордилась тем, что не потеряла человеческого достоинства и не подписала никакой лжи. Эта моральная победа потребовала таких сил, наличия каких в себе Е. С. и не подозревала. «Это единственное мое утешение сейчас, на краю старости и смерти, что я не опоганила свою душу клеветой на ни в чем не повинных людей»,— писала она много позже сестре, Наталье Соломоновне.

Ее ставили на «конвейер». Семь суток без еды и сна, без возвращения в камеру. Тогда ей собственные страдания казались безмерными. Но позже она узнала, что ее «конвейер» был детской забавой по сравнению с тем, что стало практиковаться с июля 37-го. Со скромным мужеством Е. С. признала, что ей просто везло: «мое следствие закончилось еще до начала применения «особых методов».

Такое признание дорогого стоит, особенно как вспомнишь не очень давнее (в «Огоньке») разоблачение в сексотстве почтенного писателя, успевшего выпустить несколько книжек о пережитом. (Варлам Шаламов как предчувствовал, отзываясь о них пренебрежительно в письмах Солженицыну. Конечно, что и говорить, человек слаб, и каждого подстерегает соблазн падения, но книжки-то зачем писать о силе?!

Живем мы в стране, где, стоит лишь обернуться в прошлое, видишь тысячи палачей, миллионы стукачей и десятки миллионов простаков, позволивших себя оболванить и, лишив чести, над собою надругаться. Воистину, нам следует почаще и посмиреннее повторять, что, возможно, мы много хуже, чем о себе воображаем. И потому странную отраду переживаешь, вновь погружаясь в следственное дело № 2792, ибо знаешь: автор «Крутого маршрута» честен и чист.

ПЕРЕД ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИЕЙ

Подсудимые наблюдательны. Е. С. примечает:

Судей роднит взгляд маринованного судака, застывшего в желе.

Прекрасная комната с высоким потолком, в окно веет летний ветер удивительной чистоты. Слышен звук — таинственный и прохладный, это шелестят листья. Почему она раньше никогда его не слышала?

Настенные часы с блестящими стрелками, благодаря которым знаешь, что вся процедура заняла всего семь минут.

Председательствующий свидетельницу Козлову называет Козловым, а Дьяконова — Дьяченко. Е. С. просит назвать фамилию человека, на которого она покушалась. Был убит товарищ Киров, отвечают, убили его ваши единомышленники. И суд удаляется на совещание.

Е. С. улавливает боковым зрением, как конвоиры сплетают за ее

спиной руки, готовясь принять ее, упавшую в обморок. Но вместо ожидаемой «высшей меры» звучит: «Десять лет тюремного заключения со строгой изоляцией». Она вспоминает Пастернака: «Каторга, какая благодать...»

Протокол умещается в две странички.

Протокол
закрытого судебного заседания выездной сессии
военной коллегии Верховного Суда Союза ССР

1 августа 1937 года *Город Москва*

Председательствующий: Диввоенюрист — Дмитриев

Члены: Диввоенюрист Поляков, Бригвоенюрист — Преображенцев

Секретарь: военный юрист 1 ранга — Кондратьев

Председательствующий объявил, что подлежит рассмотрению дело по обвинению Гинзбург Евгении Соломоновны в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Секретарь доложил, что подсудимый в суд доставлен, и что свидетели по делу не вызывались.

Председательствующий удостоверяется в самоличности подсудимого и спрашивает его, вручена ли ему копия обвинительного заключения, на что подсудимый ответил утвердительно. Подсудимому разъяснены его права на суде и объявлен состав суда.

Подсудимый никаких ходатайств и отвода составу суда не заявил.

По предложению председательствующего секретарем оглашено обвинительное заключение.

Председательствующий разъяснил подсудимому сущность предъявленных ему обвинений и спросил его, признает ли он себя виновным, на что подсудимый ответил, что виновным себя не признает. Свои показания на предварительном следствии подтверждает и заявляет, что виновна в том, что, будучи близко знакома по работе в ред. газеты «Красная Татария» с троцкистом ЭЛЬВОВЫМ, не разглядела в нем врага народа. В к р организации она не состояла и о существовании ее ей известно не было.

Оглашаются показания БУРГАНА.

Подсудимая заявила, что она просто удивлена этими показаниями.

Оглашаются показания АЗОВСКОГО.

Подсудимая эти показания не подтверждает. АЗОВСКИЙ и другие являлись членами группировки вокруг САМСОНОВА, которая боролась против КРАСНОГО. С ее точки зрения их борьба была неправильной. Обком партии по этому поводу вынес решение, сняв участников группы с работы, поэтому показания АЗОВСКОГО она считает необъективными.

Оглашаются показания БЫЧКОВОЙ, КОЗЛОВОЙ, ДЬЯКОНОВА и КРИНКИНОЙ.

Подсудимая заявила, что все эти лица ее оговаривают.

Больше дополнить судебное следствие ничем не имеет.

Председательствующий объявил судебное следствие законченным и предоставил подсудимой последнее слово, в котором она просила суд обратить внимание на то, что она молодой член партии. С ЭЛЬВОВЫМ она работала в 1934 г. и то не весь год. Она виновата в том, что не разглядела врага народа троцкиста ЭЛЬВОВА. Просит суд дать ей возможность исправить свое преступление.

Суд удалился на совещание.

По возвращении суда Председательствующий огласил приговор.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ *(ПОДПИСИ НЕРАЗБОРЧИВЫ)*
СЕКРЕТАРЬ

ДЕЛО № 101

В 49-м начались аресты повторников. Бывшие зэки, что твои психоаналитики, пытались в этом горячечном бреду отыскать рациональное зерно. Антонов работал бухгалтером — стало быть, недостача. Авербах был некогда сионистом — наверное, после создания государства Израиль понадобились его старые связи. Фельдшерица Виноградова и доктор Вольберг — видимо, кого-то «залечили». Райхсдойче Гертруда, доктор философии, искала закономерность в свете марксовой гносеологии, ленинской теории империализма и последней встречи министров иностранных дел Италии и Афганистана. А старый еврей Уманский попросил карандашик, выписал все фамилии и обнаружил, что берут просто по алфавиту: Антонов, Авербах, Астафьев, Берсенева, Бланк, Батурина, Венедиктов...

— Чем могла провиниться Гертруда, играя на рояле в оркестре Дома культуры?

— Тем же, что вы в своем утильцехе, а ваша подруга — в детском саду,— ответил мудрый старик Уманский.

Надо очень привыкнуть к абсурду, чтобы назвать, как назвала Е. С., это следствие «странным». Молодой следователь Гайдуков откровенно скучает. Обвинений не предъявляет, признаний не требует. Статьи шьются привычные — террористическая группа, 58-8 и 58-11.

«Как потом выяснилось, нас арестовали **всего только** для того, чтобы оформить нам по приговору Особого Совещания МГБ пожизненное заключение. Для этого требовалось переписать старое дело, отправить его фельдъегерской связью в Москву, дождаться, пока там проштампуют... и наконец получить приговор — опять все при помощи той же неторопливой фельдъегерской связи. На это уходило пять-шесть месяцев...»

«УТВЕРЖДАЮ»
НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ МГБ
НА ДАЛЬНЕМ СЕВЕРЕ ПОЛКОВНИК (ФЕДАКОВ)
16 ноября 1949 года

Обвинительное заключение
по следственному делу № 101
по обвинению ГИНЗБУРГ Евгении Соломоновны
по ст.ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР

Управлением Министерства Государственной Безопасности на Дальнем Севере 25 октября 1949 года за участие в троцкистской организации была арестована и привлечена к уголовной ответственности — Гинзбург Евгения Соломоновна.

СЛЕДСТВИЕМ УСТАНОВЛЕНО:

В 1934 году Гинзбург Е. С., будучи на руководящей работе в редакции газеты «Красная Татария» в городе Казани, поддерживала личную связь с троцкистами КРАСНЫМ и ЭЛЬВОВЫМ и являлась участницей существовавшей в редакции троцкистской группы, использовавшей местную печать для протаскивания троцкистской идеологии. (См. особый пакет)

Гинзбург, пользуясь своим служебным положением, а также используя положение мужа, являвшегося членом бюро Казанского обкома ВКП(б), регулярно информировала троцкиста ЭЛЬВОВА о поступающих в редакцию материалах, разоблачающих его троцкистскую деятельность, и о решениях обкома ВКП(б), направленных на борьбу с троцкизмом. (См. особый пакет)

В предъявленных обвинениях ГИНЗБУРГ Евгения Соломоновна виновной себя не признала (л. д. 29—32), однако в преступной деятельности достаточно изобличается показаниями арестованных ЭЛЬВОВА, КРАСНОГО, ВИНТАЙКИНА и БУРГАН. (См. особый пакет)

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО ОБВИНЯЕТСЯ:

ГИНЗБУРГ Евгения Соломоновна, 1904 года рождения, уроженка города Москвы, еврейка, гражданка СССР, беспартийная, из служащих, с высшим образованием, работавшая воспитательницей 3 детского дома сануправления Дальстроя и проживавшая в городе Магадане, Старый сангородок, дом 2, кв. 21 —

в том, что она в 1934 году являлась участницей контрреволюционной троцкистской группы, существовавшей в редакции газеты «Красная Татария», поддерживала связь с троцкистами ЭЛЬВОВЫМ, КРАСНЫМ, ВИНТАЙКИНЫМ и другими и информировала троцкистов о материалах, поступавших в редакцию, разоблачающих их подрывную деятельность, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

В соответствии со ст. 208 УПК РСФСР следственное дело по обвинению ГИНЗБУРГ Евгении Соломоновны направить через Военного Прокурора войск МВД Дальстроя на рассмотрение Особого Совещания при МГБ СССР для применения в отношении ГИНЗБУРГ ссылки на поселение.

Обвинительное заключение составлено 16 ноября 1949 года в городе Магадане.

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДОТДЕЛА УМГБ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ — ЛЕЙТЕНАНТ (ГАЙДУКОВ)

«СОГЛАСЕН»

И. О. НАЧАЛЬНИКА СЛЕДОТДЕЛА УМГБ НА ДАЛЬНЕМ СЕВЕРЕ — Подполковник
(ЦИРУЛЬНИЦКИЙ)

Справка

1. Обвиняемая ГИНЗБУРГ Е. С. содержится в тюрьме УМВД по СДС.
2. Вещественных доказательств по делу нет.
3. Личные документы находятся в следственном деле № 101.

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ УМГБ НА ДАЛЬНЕМ СЕВЕРЕ — ЛЕЙТЕНАНТ (ГАЙДУКОВ)

«ВЕДЬ С НАМИ ВОРОШИЛОВ...»

У нас демократия такая: мы пишем. Так было всегда, по крайней мере с тех пор, как завелись грамотные на Руси. Все мемуаристы единодушно отмечают страсть политических к апелляции. Е. С. написала только через два месяца после смерти Усатого.

Уже через десять дней после того, как по радио отыграли Баха, в казенном доме поставили скамейку для приходивших отмечаться ссыльных, коменданты стали изредка улыбаться, кто-то из них обмолвился: «товарищи». В «Советской Колыме» под сурдинку сказалось нечто о «незаконных методах следствия».

Е. С. пишет Председателю Президиума Верховного Совета СССР, с которым давным-давно сталкивалась лично. Со страшным скрежетом реабилитационная улитка поползла.

Председателю Президиума Верховного Совета СССР
К. Е. Ворошилову

ЗАЯВЛЕНИЕ

ссыльно-поселенки Гинзбург Евгении Соломоновны, год рожд.— 1904. Место рождения — Москва. Образование — высшее. Профессия — педагог. Быв. член ВКП(б). Арестована в Казани в 1937 году. Теперешнее место поселения — Колыма (Магадан, Нагаевская ул., дом 37 кв. 21).

За шестнадцать с половиной лет, в течение которых я непрерывно подвергаюсь репрессиям, я впервые обращаюсь в Верховный орган страны с просьбой о пересмотре моего дела. Поэтому очень, очень прошу внимательно прочесть мое заявление и ответить на него. Изложу кратко факты. Я — постоянная жительница г. Казани. Там я окончила вуз, там была оставлена при Институте для научной работы, там же работала на научно-педагогической работе в педагогическом Институте и в Гос. Университете до 1937 г.

Мой муж — Аксенов Павел Васильевич, партийно-советский работник, до ареста являлся председателем Казанского Городского Совета. К моменту ареста я имела двух сыновей — старшему было 10 лет, младшему 4 года.

За 7 лет до ареста я вступила в партию. Будучи молодым коммунистом, вступившим в партию уже после разгрома троцкистской оппозиции, я не только никогда не примыкала к ней, но даже не была свидетельницей борьбы с ней и была знакома с этим вопросом только по официальной партийной литературе. Мой муж, чл. партии с 1918 г., тоже никогда ни к каким оппозиционным группировкам не принадлежал. Несмотря на это, я уже семнадцатый год подвергаюсь репрессиям как «участница к.-р. троцкистской организации».

В чем же заключалось предъявленное мне конкретное обвинение? В 1934 году Татарский Обком партии мобилизовал группу научных работников для усиления работы редакции областной газеты «Красная Татария». Я оказалась в числе мобилизованных и около двух лет заведовала отделом культуры этой редакции, совмещая эту работу с основной педагогической работой. В этой редакции работал некий профессор Эльвов. В 1935 г., после убийства Кирова, он был арестован. После его ареста я, наряду со многими другими коммунистами, работавшими с ним в одном учреждении, получила партийное взыскание: «Поставить на вид притупление политической бдительности». До самого своего ареста Эльвов пользовался полным доверием Обкома, являлся членом Горкома партии, в Казань он прибыл по путевке Центр. Комитета. Правда, мы все знали, что за несколько лет до этого он написал какую-то статью в сборнике под ред. Ярославского и что эта статья была признана политически ошибочной, но полное доверие, которым он пользовался в руководящих парторганах, заставляло и меня — рядового коммуниста — относиться к нему без особых подозрений. Я и сейчас, по прошествии чуть ли не двадцатилетия, не знаю, в чем был виновен Эльвов. Но через два года после его ареста, 15-го февраля 1937 года я была арестована, и то же самое обвинение — «Не разоблачила Эльвова», за которое я в 1935 г. получила самое легкое парт. взыскание — «на вид», стало теперь расцениваться уже не как притупление партийной бдительности, а как «участие в к.-р.—троцкистской организации» и принесло мне приговор Военной Коллегии Верховного Суда: 10 лет тюремного заключения с поражением в правах на 5 лет по ст. 58-8 и 11. Это могло случиться только благодаря неправильным, незаконным приемам предварительного следствия и благодаря полному отсутствию судебного следствия. Заседание Военной Коллегии Верх. Суда 1-го августа 1937 года по разбору моего дела длилось шесть минут, включая сюда и опрос, и чтение длинного текста приговора. Мои судьи настолько торопились, что ни на один мой вопрос, ни на одно мое заявление ответа мне не дали. Что касается предварительного следствия, то здесь применялись такие приемы, как запрещение спать в течение 8-ми суток, нецензурная брань, угрозы и т. д. Две так называемые «очные ставки», которые, собственно, и послужили основанием для передачи моего дела в судебную инстанцию, проводились следователем Бикчентаевым путем беззастенчивого запугивания свидетелей прямо в моем присутствии. Так называемый «свидетель» Дьяконов, подписывая дрожащей рукой клеветнические показания, сформулированные следователем, плакал горькими слезами, тут же, при следователе, умоляя меня простить его, т. к. «он не может сейчас погибать, потому что у него только что родился ребенок».

В дальнейшем я узнала, что и следователь Бикчентаев, и руководивший всем следствием майор Ельшин были в 1939 г. репрессированы. Однако сделанное ими в отношении меня беззаконие не исправлено до сих пор.

Итак, я стала государственной преступницей со статьей «террор».

Я отбыла десять лет заключения, из них три года я просидела в разных тюрьмах и семь лет — в Колымских лагерях.

За это время погиб на Ленинградском фронте мой старший сын, умерли, не дождавшись меня, отец и мать. В 1947 г. я освободилась из лагеря. Ехать на материк было не на что и уже не к кому, я поступила здесь, в Магадане, на работу в детский сад в качестве пианистки. Оставшегося в живых младшего сына мне удалось вызвать сюда, и он, после одиннадцатилетней разлуки, находился при мне. В этой скромной позиции я собиралась дожить остаток жизни. Но вот 25-го октября 1949 г. меня арестовывают вторично. Мой сын за 16 лет своей жизни вторично остался без матери, на этот раз остался один, без средств, на краю земли без матери. <...>

В качестве ссыльной я стала подвергаться различным утеснениям по линии работы. Несмотря на то, что мои деловые качества, по общим отзывам, удовлетворяли мое руководство, меня периодически снимали с работы. Вот и сейчас я — безработная, т. к. в феврале 1953 г., во время кампании по усилению бдительности в связи с арестом группы врачей в Москве, меня сняли с работы по мотивам политического недоверия. Я осталась без средств к существованию, хотя на иждивении у меня двое детей — сын, который еще учится, и семилетняя приемная дочь.

Такова краткая фактическая история этих шестнадцати с половиной лет. За эти годы я потеряла все: семью, партию, любимую профессию, здоровье. И сейчас, приближаясь уже к пятидесятилетнему возрасту, перед лицом близкого конца жизни, я еще раз повторяю, что я ничем, абсолютно ничем, не только делом, но даже и мыслью, не заслужила всех переносимых и перенесенных мук. С полной искренностью, с открытой душой я вступала в партию, с напряжением всех сил работала в ней.

Нелепость статьи «террор» (пункт 8) так ясна даже при самом поверхностном знакомстве с делом, что ее не приходится и опровергать. Когда я в 37-м году спросила председателя суда, в убийстве какого политического деятеля я обвиняюсь, он ответил мне сложным и стран-

ным силлогизмом. Дескать, троцкисты убили Кирова в Ленинграде, вы не боролись с Эльвовым в Казани — следовательно, вы и должны рассматриваться как террористка. В качестве материала для 11-го пункта в моем обвинительном акте перечислен ряд фамилий людей, многие из которых были мне даже незнакомы. Не познакомилась я с ними и на суде, где кроме меня и судей никто не присутствовал.

Я прошу Вас рассмотреть, в связи с моим заявлением, следующие вопросы:

1) О неправильном осуждении меня в 1937 году на основании клеветнических показаний, данных под нажимом ныне репрессированных следователей и при полном отсутствии судебного следствия.

2) Об осуждении меня в 49-50 гг. на бессрочное поселение по материалам старого дела, т. е. о вторичной репрессии за одно и то же к тому же несовершенное преступление.

3) О том, что мне не дают возможности работать. Пять лет, в общей сложности, я проработала пианисткой в детских садах Магадана. Это полутехническая работа с детьми от трех до шести лет. Но и эта работа теперь мне не доверяется, несмотря на отличные производственные показатели. На свою старую специальность, по которой я имею хорошую квалификацию, я уже и не претендую, но работа по музыке, с маленькими детьми, мне кажется, совершенно не угрожала устоям государства, а мне давала посильный по возрасту и здоровью заработок.

Это все официальная, юридическая сторона дела. В заключение я хочу написать несколько неофициальных слов.

Дорогой Климент Ефремович!

Прошу Вас за этим перечнем фактов увидеть живую человеческую судьбу, представить себе мать, разлученную с малолетними сыновьями, один из которых в дальнейшем погиб на фронте, так и не повидав мать, которая в 1920 году, пятнадцатилетней девочкой, рвалась на Польский фронт и, шагая по улицам в старенькой кофтенке, распевала в комсомольском хоре: «Ведь с нами Ворошилов — первый красный офицер»... а в 1953 г.— на пороге старости, измученная и разбитая,— обращается к Вам за справедливостью и хочет верить в эту справедливость.

9.V.1953 г. *Е. ГИНЗБУРГ*

Магадан. Нагаевская ул., д. 37, кв. 21

Письмо возымело действие. Е. С. разрешили временно вернуться в Москву — хлопотать о реабилитации. 25 июня 1955 года ее дело было прекращено за отсутствием состава преступления...

ПОСТСКРИПТУМ

Курт Воннегут для одного из своих героев придумал, на первый взгляд, смешную, а если вдуматься, весьма многозначительную эпитафию: «Он старался». Е. С. старалась, и у нее получилось.

Раиса Орлова вспоминала, как в октябре 1970 года в Москву в числе сопровождавших Помпиду журналистов приехал Кароль — «независимый левый». Он встретился с Е. С.— и нашла коса на камень. Все революции преступны и безнравственны,— запальчиво утверждала она.— Неизбежность революции — сказка, придуманная Марксом.

Судьбе угодно было, чтобы Е. С., атеистка и большевичка в юности, умерла антикоммунисткой и католичкой, а трагедия ее жизни отлилась в великолепную и страшную книгу *.

* «Горизонт» не впервые обращается к судьбе Е. С. Гинзбург. В № 1 журнала за 1990 год были опубликованы воспоминания Нелли Морозовой «Свидетель» — о последних годах жизни этой замечательной женщины.

МЫ ЕЩЕ СКАЖЕМ СВОЕ СЛОВО

В конце прошлого года в Москве на Съезде советов трудовых коллективов и рабочих комитетов выделилась радикальная группа, образовавшая Объединенный забастовочный комитет. В него вошли представители стачкомов и советов трудовых коллективов из разных регионов страны. Возглавляет Объединенный комитет Александр Буканов — председатель Пермского координационного Совета социалистических профсоюзов (СОЦПРОФ).

С Александром Букановым беседует журналист Александр Путко

— Говорят, что в нынешнем кризисе повинно противостояние политических группировок. Идет борьба за власть, а страна тем временем катится в пропасть. Что вы думаете об этом?

— Верно. Борьба за власть идет по всем направлениям: между центром и республиками, между консерваторами и радикалами. То и дело возникают межнациональные схватки, ширится сепаратистское движение. А за всем этим — борьба за власть и свое благополучие. Короче говоря,— за собственность. Потому что у кого власть, тот и захапать может побольше. Вы только посмотрите, что творится! Партийная верхушка цепляется за власть, твердит, что мы без КПСС пропадем. Что она единственная может нас организовать и вывести оттуда, куда завела. А сама не теряется, гребет, прибирает к рукам все, что можно: счета в банке, фешенебельные здания, типографии. С чего начала партия перестройку? С повышения окладов своим функционерам! А привилегии? Пошумели-пошумели о 4-м Главном управлении, передали для вида несколько особняков и поликлиник детским домам, и все осталось по-прежнему. В районные поликлиники эти радетели за народ что-то не ходят, и в очередях к пустым прилавкам в магазинах их что-то не видно. А лимузины черные все так же стоят рядами у партийных штабов и шастают по улицам.

За власть борются армейские генералы. Тоже твердят, что без них мы пропадем. Кругом враги. Спят и видят, как бы захватить нашу нищую страну и заставить нас жить в проклятом капиталистическом аду. А под шумок эти самые генералы хапают имения и все тот же набор благ. Да что греха таить, вот и кое-кто из народных наших верховных депутатов, добравшись до власти, расторопно тянет машины, квартиры, отправляется в зарубежные вояжи, пользуется спецмагазином, спецполиклиникой.

А кризис нарастает неотвратимо. Социальная напряженность достигла предела. Народ доведен до отчаяния, и взрыв, похоже, уже неизбежен. И вот тогда, я уверен, рабочий класс скажет свое слово. Вполне возможно, решающее слово.

— Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что рабочие в нашей стране слишком разобщены и инертны. А кризис нарастает с невероятной быстротой.

— О слабой организованности рабочих, о низком уровне их клас-

сового сознания говорят много. И не напрасно. У нас в стране все делалось, чтобы превратить рабочего в люмпена, в темного, духовно убогого, далекого от политики алкаша. И в этом преуспели немало. Но рабочий класс тем не менее существует. И он достаточно силен, чтобы заявить о себе, о своих интересах, чтобы выступить как политическая сила.

Помните, как затрепетали, засуетились наши руководители в 1989 году, когда забастовали целые шахтерские регионы? Забастовщики боролись не за «кусок колбасы». Они требовали отставки правительства, ликвидации партпривилегий. На ряде шахт позакрывали парткомы, даже столы их выволокли на улицу с никому ненужными, но почему-то всегда секретными партийными документами, хранящимися под замком.

Официальные средства массовой информации делали все, чтобы скрыть правду о рабочем движении: подчеркивали экономические требования бастующих и обходили молчанием политические. Раздували негативные последствия забастовок: без угля, мол, заводы и транспорт останавливаются, отсюда дефицит товаров и продуктов. Хотя мы знаем, что были нетронутые резервные запасы топлива, и от продуктов склады ломились. Делалось все, чтобы внести раскол в рабочее движение, восстановить народ против бастующих шахтеров. Одновременно велись переговоры, делались уступки, разумеется, в решении отдельных социальных вопросов. И как всегда, правительство не скупилось в обещаниях на будущее.

— В результате конфликт тогда, в 1989 году, удалось погасить. Это была победа администрации?

— Я бы так не сказал. Конечно, шахтеры не добились всего, чего хотели. Но они осознали свою силу, показали, что рабочий класс может проявить чудеса организованности. Ведь это факт, что в городах и горняцких поселках по инициативе забастовочных комитетов был установлен и строго соблюдался «сухой закон», шахтеры сами следили за общественным порядком и не давали повода для провокаций, которые, как нам стало известно, планировались.

Мы убедились также, что рабочее движение выходит далеко за классовые рамки — в наших акциях участвовали инженеры, экономисты, врачи, учителя и так далее. Но ядром движения, его решающей силой были рабочие.

Сказалась, однако, и наша слабость: мы действовали разобщенно и недостаточно решительно, не сумели отстоять свои требования до конца, пошли на компромисс. Все это можно понять — народ десятилетиями находился в рабстве. Рабочее движение делает первые шаги. Пока это шаги малыша, но малыша, который скоро вырастет в богатыря.

— Однако после тех шахтерских выступлений в рабочем движении наступил спад. Почему это произошло?

— Все по той же причине — мы разобщены. Хотя не думайте, что сейчас все тишь да гладь, да божья благодать. Недавно прошла забастовка рабочих и служащих на Люблинском литейно-механическом заводе. В феврале шеститысячный коллектив этого предприятия прекратил работу, требуя улучшения условий труда и повышения заработной платы. Администрация подала в суд на организаторов забастовки. Бастовали мои земляки на ряде предприятий в Перми. А главное — опять поднялись на забастовку целые шахтерские регионы, причем выдвигались не только экономические, но и политические требования.

— На днях в Москве состоялось совместное заседание советов представителей Независимого профсоюза горняков и Конфедерации труда. Вы были участником этого заседания, расскажите, о чем шла на нем речь?

— О тактике совместных действий в условиях кризиса рабочего движения. Разумеется, мы говорили и о причинах кризиса, о путях его преодоления. Тут все напрямую связано с общей обстановкой в стране. Перестройка сворачивается, демократия обороняется. Горбачев, еще три года назад говоривший о необходимости революционных перемен, похоже, испугался политической активности масс. Теперь пытается затолкнуть джина в бутылку. Идет тотальное наступление всех антидемократических сил. В один лагерь объединились КПСС, армейский генералитет, КГБ, МВД, высокопоставленные чиновники министерств, самые темные силы националистов. Удары по демократии наносятся один за другим. И возглавляет эту кампанию сам Горбачев.

Рабочее движение — это часть общего демократического процесса. У нас тесные связи с «Демократической Россией», мы горячо поддерживаем Б. Н. Ельцина и его честную, открытую позицию. Он не виляет, не лавирует, не цепляется за власть. Мы помним, как он оставил высокий партийный пост, отказавшись от всех мыслимых и немыслимых привилегий. И вернулся на политическую арену, не карабкаясь по номенклатурной лестнице, а по решению народа, по итогам голосования на альтернативной основе. Ельцин не боится народа. Он верит народу, и народ верит ему. В самые трудные моменты он едет в горячие точки, в самую гущу людей, а не отсиживается в кабинете, не прячется за спинами своих помощников и заместителей. Он боролся за программу «500 дней», за передачу земли крестьянам, за подлинный суверенитет республик, за подлинную демократию. Об этом можно говорить что угодно по кравченковскому телевидению, можно распространять среди народных депутатов любые ахромеевские листовки, но рабочий народ давно уже разобрался, кто есть кто. И в этом противостоянии мы за Ельцина.

Сейчас мы переживаем трудное время. От нашей сплоченности, от нашей решительности будет зависеть успех в преодолении кризиса. Выступая на совместном заседании Независимого профсоюза горняков и Конфедерации труда, я как раз об этом и говорил. Нам надо согласовывать свои действия, крепить солидарность. Полезно было бы использовать опыт польских товарищей. Всего лишь за год они преодолели кризис в экономике и уже сейчас живут в достатке, который нам и не снился. Конечно, не все у них идеально. Но с каждым днем они живут лучше, а мы — хуже. Потому что у них победила рабочая солидарность, а у нас — партократия.

Я верю в то, что рабочее движение будет и у нас набирать силу. Но пока нам приходится тратить много энергии на организационные дела. У нас не хватает помещений, технических средств, транспорта и даже просто денег. Мы обратились к верховным советам союзных республик с предложением изменить законы, по которым профсоюзные взносы рабочих автоматически перечисляются на счета «старых», государственных профсоюзов. Пусть рабочие сами решают, куда, на счета каких профсоюзов направлять свои взносы.

Безусловно, мы будем объединять все силы независимого профсоюзного движения. А пока создан объединенный центр Независимого профсоюза горняков и Конфедерации труда, который будет решать консультативные и организационные задачи.

— Итак, объединение независимых профсоюзов, создание Объединенного забастовочного комитета, который вы возглавляете, а что дальше — всеобщая забастовка?

— Не дай Бог! Забастовка — крайняя, чрезвычайная мера. И больше всего от нее страдают сами бастующие, их семьи. Мы не хотим усугублять и без того бедственное положение рабочих. Мы готовы пойти на всеобщую забастовку только тогда, когда увидим, что никаких других путей борьбы за свои права у нас не остается. Всеобщая забастовка — это всеобщая беда: полный паралич страны, кризис, который до основания потрясет общество. Не думайте, однако, что стихийные забастовки, которые возникают то здесь, то там без какого-либо участия с нашей стороны, менее опасны. Они расшатывают нашу многострадальную полуживую экономику, подталкивают ее к пропасти, но при этом никак не влияют на систему. Более того, способствуют укреплению власти партократов, потому что дают им возможность сваливать на забастовки все наши хозяйственные беды, голод и дефицит. Я не сомневаюсь, что власти очень бы хотели довести народ до отчаяния, до такого состояния, когда он сам потребует «железной руки». И сейчас в магазинных очередях можно слышать: «Нам бы хозяина, уж он-то навел бы порядок». Рабскую психологию, любовь к кнуту нам прививали многие десятилетия.

В этих условиях рабочие должны действовать сообща и организованно. Не допускать разрозненных акций. Для того и создан Объединенный забастовочный комитет страны. Его цель — не расшатывание, а стабилизация общества. Мы хотим объединить стихийные забастовки в организованное рабочее движение с четкими требованиями. Мы также будем налаживать обмен опытом борьбы за права рабочих, за установление рабочего самоуправления.

— Сейчас в стране сложилась странная, во всяком случае, непривычная ситуация: существуют старые профсоюзы, те, что вы называете «государственными», и параллельно созданы новые — независимые. Как это сочетается?

— Государственные профсоюзы прикормлены и заелись. Они никогда не защищали рабочих. Наоборот, делали все, чтобы рабочий человек «вкалывал» как можно больше, чтобы следили за соблюдением трудовой дисциплины, устраивали субботники, организовывали соцсоревнование, дудели в одну дуду с администрацией. И исправно собирали взносы. Был у них козырь: путевки и оплата больничных листов. Но ведь все это делается за счет отчислений из бюджета страны, то есть опять же за счет наших средств! Обман. Во всем обман. Но трудящиеся становятся умнее. Потому и появились новые, независимые профсоюзы. Нам пока нелегко. Начальники, директора предприятий не платят нам зарплату. Мы зависим лишь от того, что сами заработаем.

Лично я работаю распространителем нашей газеты. Заработок скромный, но честный. Впрочем, моя семья привыкла жить скромно. По профессии я сварщик, но активная общественная деятельность в последние годы не позволяет мне работать где-то в штате.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 3 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: 9. Стрекалов. 10. Ламинария. 11. Вальдшнеп. 14. Никарагуа. 15. Рафинад 16. Федерат. 17. Феномен. 18. Винница. 19. Лидер. 23. Чилим. 24. Раритет. 26. «Исламей». 27. Трасс. 28. Пимен. 29. Стена. 30. Алгол. 33. «Рафаэль». 34. Диалект. 37. Канал 39. Архар. 41. Образец. 43. Отрезок. 44. Бакшеев. 45. «Золушка». 47. Аристофан. 48. Авторитет. 49. Калатозов. 50. Полифония.

По вертикали: 1. Стратегия. 2. Бельведер. 3. Масштаб. 4. Мохер. 5. Давид. 6. Писарев. 7. Санаторий. 8. Бижутерия. 12. Паритет. 13. Диона. 14. Нарцисс. 20. Радикал. 21. Минерал. 22. Пастель. 23. Черника. 25. Трель. 26. «Исход». 30. Альбион. 31. Ливенка. 32. Пастернак. 33. Раневская. 35. Трешников. 36. Кафетерий. 38. Казус. 40. Бомолох. 42. Пародия. 45. Задор. 46. Авлос.

Овцы (загон)

В кафе

В полете

Продавцы рыб на Птичьем рынке

Юрий Власов

СТУПЕНЬ ВАРВАРСТВА

Председателю Верховного Совета СССР
А. И. ЛУКЬЯНОВУ

Уважаемый Анатолий Иванович, я вынужден обратиться к Вам по несколько необычному поводу.

Мы с Вами люди разных политических убеждений: я отрицаю ленинизм, Вы — исповедуете и преданно ему служите. Однако и Вы, и я преследуем одну цель: добиться достойной жизни для народа. Именно поэтому я стал народным депутатом СССР. Вы отстаиваете свои убеждения, я — свои.

Вполне естественно, я как писатель следую своим принципам и в своих литературных работах. Я выступаю со статьями, очерками, художественными произведениями, в которых отстаиваю и развиваю идеи, которые считаю демократическими и которые составляют цель и смысл моей жизни уже десятилетия.

Между тем миром, к которому принадлежите Вы, и несравненно более малым миром, к которому принадлежу я, развернулась настоящая борьба. Эта борьба неравная, ибо не на нашей стороне вся мощь государственного аппарата, в том числе, тайных служб (так и хочется сказать «карательных»).

Я отлично знаю, в каком мире вырос и живу. И все же, главным принципом моей работы и жизни было следование правде, исторической точности. Все, что я печатаю, если это публицистика, всегда соответствует фактам и соответственно документировано.

Как бы ни был неприемлем для меня политический строй, который установился после 1918 года, я считал невозможным ради достижения политических целей, завоевания популярности и т. д., обращение к подлогам, клевете и вообще любой нечистоплотности. Я следовал этому строго и неукоснительно.

Но жизнь поставила меня в необычное и очень неприятное положение. С тех пор как в предвыборной кампании я выступил с осуждением КПСС и КГБ, вмешательство госбезопасности в мою личную жизнь обрело всеобъемлющий и самый бесцеремонный характер, временами — откровенно наглый. Это выражается во многом.

1. Мой дом постоянно посещается работниками КГБ. Было множество случаев убедиться: «посетители» всегда оставляли следы.

2. Предметом досмотра явился и мой литературный архив. В результате из него были похищены мои дневники за последние десять лет (три толстые тетради). Это не только личные записи, но и основа будущих литературных работ, то есть, образно говоря, мой хлеб. Кроме того, унесены путевые дневники и отдельные книги из библиотеки, в том числе и по истории ВЧК М. Лациса.

3. Бесследно исчез ряд документов, фотографий и семейных реликвий.

Горше всего пропажа дневников. Это ведь не только документ. Это сугубо личные записи. В них интимные чувства, мысли, переживания. Все, что есть сокровенная тайна жизни каждого человека. Тайна неприкосновенная и чрезвычайно дорогая для каждого из нас.

Невыносимо больно знать, что их листают чужие руки, и эти руки опекает закон. И вот за такие действия обеспечивает сытой зарплатой.

4. В течение двух поездок за границу я лечил легкие. Надо сказать, что до 1988 года я легкие не лечил никогда. Беседуя с врачами, к которым я вынужден был обратиться на Западе, не доверяя нашей медицине, как Вы теперь догадываетесь, по вполне понятным причинам, я понял: болезнь приняла упорный хронический характер из-за вмешательства извне. Поведение организма при моей превосходной тренированности (особенно в последние годы) не находило логического объяснения. Консультации врачей, снимки и полное обследование за границей убеждают, что это результат вмешательства со стороны с определенными целями. Да мы и в самом деле беззащитны... В квартиру проникают, когда хотят. Берут все, что заблагорассудится. Несут в дом, что угодно. Поле для преступной деятельности необозримое, тем более, оно под охраной закона.

5. Перехват почты, получение вскрытых конвертов без важных документов, безобразное подслушивание телефонных разговоров и прямое вмешательство в них — все это стало практикой жизни и творится каждый день и час.

В некоторые моменты очевидна прямая слежка, столь плотная, что может вести к столкновению, на которое, видимо, и рассчитывают чекисты.

Не буду писать о шантаже по телефону и в письмах, который составляет естественный фон моей жизни.

Я мог бы еще долго продолжать перечень «художеств» «щита и меча» нашего социалистического государства. Добавлю лишь, что все это не случайно. Сверху, от высшего руководства, внушается обществу мысль о том, что люди иных политических взглядов — это безусловные враги и предатели. С ними не только можно, но и нужно делать все из максимально возможного сейчас. Это все согласно ленинскому постулату: этично все, что служит революции (в данном случае — удержанию власти). КГБ сплошь и рядом преступает законы, цинично прячась за принцип: «не пойман — не вор», преданно служа не народу и всему обществу, а лишь верхушке КПСС и президентской власти.

Я отлично понимаю: все, о чем здесь пишу, с точки зрения доказуемости — пустое место. Именно это и составляет силу КГБ. Все свои дела они исполняют без свидетелей, и любое обвинение сразу же рикошетирует в обвинителя. Чтобы не слыть лгуном или человеком с большим воображением, приходится молчать. И в общем, я молчал, отвечая лишь тогда, когда давление со стороны КГБ становилось совершенно нетерпимым. И все же я избегал прямой борьбы с действиями госбезопасности против меня, относя все это к чьей-то излишней ретивости. Хотя против народного депутата СССР такие действия не могут осуществляться без разрешения высшего руководства страны. Так оно происходит и в самом деле. Никакой «самодеятельности» эта служба не может допустить.

После того, как действия КГБ простерлись даже за пределы нашей страны и дали знать о себе в Испании, после того, как были похищены дневники и часть литературного архива,— я молчать не намерен. Из гадких писем последнего месяца совершенно очевидно, что дневники и часть архива — у «них».

Не случайно я помянул в начале письма, что мы ведем политическую борьбу. Это так, но я и предположить не смел, что в этой борьбе противная сторона опустится до мародерства, прибегнет к такого рода действиям, которые в цивилизованном мире квалифицируются как преступные.

Если это допускается по отношению к народному депутату СССР, к тому же как-то известному по прошлому, что же делают с людьми, не защищенными ни депутатскими мандатами, ни известностью?.. Об этом я имею представление по многочисленным письмам, которые приносят мне люди. Сотни и сотни раз осуществляется беззаконие, уже заклейменное по практике прошлых лет и ничем от него не отличающееся. Это все та же служба, подчиненная руководству КПСС, лишь формально не имеющая к ней отношения.

Разве это литературная работа, когда я не могу оставить рукопись на столе, все важные книги и документы храню вне дома?

Ничто не изменилось после 1985 года. Ничто. Так называемая реформированная часть КГБ, что боролась с инакомыслием, под другой вывеской удушает свободную и независимую мысль.

Как Председателя Верховного Совета СССР я прошу принять во внимание все, с чем я обратился к Вам. Если понадобится, я готов дать Вам личные разъяснения по любому пункту данного письма, которым никоим образом не хотел нанести Вам оскорбления. Я просто отмечаю огромную ложь между принципами декларируемыми и практикой данных принципов.

Каким может быть мир, который якобы создается вместо того, что превратил Россию в один огромный лагерь, если даже в это как бы «свободное» время пользуются все теми же старыми приемами, которые являются ничем иным, как насилием? Каким может быть мир, где пользуются давним правилом: «не пойман — не вор»? Каким может быть мир, в котором огромная, многомиллионная тайная служба обращена против народа, являясь по-прежнему совершенно законспирированной, неподсудной и неподотчетной? В каких кабинетах принимаются решения против беззащитных людей и насилуется их воля, разум, здоровье?..

В нашей системе таких «воров» уличить, а тем более поймать — невозможно. Там — вся мощь государственных учреждений, подкрепленная поддержкой власти, а здесь всегда лишь одиночка. Сломать его — проще простого.

Значит, так и будем шагать в правовое государство, опираясь на беззаконие? Значит, по-прежнему будем исповедывать принцип: дозволительно все, что укрепляет власть?

Много пишут о том, что «деструктивные элементы» ведут подрывную работу против КГБ. Как я теперь убеждаюсь, это делается с одной целью — прикрыть антиконституционную деятельность этой тайной службы, заранее нейтрализовав любые протесты против насилий.

Здесь настолько свыклись с ложью, что считают ее естественной.

Здесь настолько впитали в кровь идею вседозволенности в политической борьбе, что исключают какие-либо моральные категории вообще.

А по-человечески скажу Вам: бесконечно тяжело не только заниматься политической деятельностью, но и жить в этой стране. Ибо каждый день здесь — не только унижение и беззаконие, но и ожидание очередного произвола. У многих людей мысли об эмиграции в подобной обстановке становятся естественными, а сама эмиграция — единственным выходом.

Это факт: в стране снова создается обстановка тотального укрыва-

тельства деятельности КГБ против политических противников системы, то есть власти КПСС.

Напомню Вам знаменитое стихотворение Шарля Бодлера о Родине. В свое время оно поразило мир. Я понимаю, сколь некстати стихи для официального документа, но позволю себе процитировать Бодлера, зная, что и Вы сочиняете стихи (и как я слышал — неплохие). Повторю, это стихи — о Родине:

За что любить тебя? Какая ты нам мать,
Когда и мачеха бесчеловечно злая
Не станет пасынка так беспощадно гнать,
Как ты детей своих казнишь, не уставая?..

Во мраке без зари живыми погребла,
Гнала на край земли... Во цвете силы — убивала...
Мечты великие без жалости губя,
Ты, как преступников, позором нас клеймила...
Какая ж ты нам мать? За что любить тебя?..

Именно поэтому я и противник подобной системы. Но неужели со мной нельзя бороться тем же оружием, которым пользуюсь я: идеей? Идея борется с идеей.

В самом деле, мне и в голову не приходит мысль тайно проникнуть к Вам в дом, выкрасть стихи или какие-то документы... Я думаю, для любого нормального человека подобные мысли отвратительны. Против этого восстает совесть, это претит всему естеству человека.

Как народный депутат СССР в дни Съезда я не смогу работать, если без присмотра остается мой дом: «визиты гэбэшников» неизбежны. И это жизнь?

Неужели здесь все навсегда останется на той ступени варварства, на которую общество взошло 74 года назад, провозгласив диктатуру и насилие единственным мерилом человеческих ценностей?

Неужели идеи системы настолько слабы, что неспособны существовать без подлогов, лжи и гнусных тайных манипуляций?

Я буду ждать Ваших разъяснений.

С уважением
народный депутат СССР
Юрий Петрович ВЛАСОВ

6 марта 1991, Москва

Взяли многое. Думаю, выносили сумками. Однако все потери меркнут в сравнении с потерей дневников. Среди них потеря одного из них особенно болезненна. Я веду дневники с 1960 года, есть даже более ранние записи, но постоянно приладился писать без пропусков, пожалуй, с 1964 года. Эти дневники я называю главными. Их — восемь. Это большие тетради-книги. Вот из них гэбэшники заудили одну. Остальные спасло то, что не храню архив дома. Я очень быстро убедился в существе перестройки, ее демократии и новой роли КГБ. Как могут те же люди, что всю жизнь говорили, делали одно, вдруг изменить свою сущность! Они способны изменить костюм, прическу, слова, но не свою душу, сердце, склонности и тем более опыт властвования — через приказ и повиновение. Все эти виляния в политике, то есть перестройка, начались с единственной целью — удержаться у власти, когда экономика вдруг обозначила полную и органическую неспособность нести на своих плечах государство, пронизанное, по сути, крепостным трудом.

Партийным верхам следовало срочно перестраивать хозяйство. Но несвободный человек не даст того, что ждали от экономики. Следовало жертвовать, то есть дать и определенную... свободу — вот тут и вышла основная осечка. Отцы обновления отпустили немного свободы, но, разумеется, не с тем, дабы народ и в самом деле избирал того, кого вздумает. Именно это не входило в планы отцов перестройки. Они не собирались уступать кому-либо рычагов власти. Экономика пусть работает по-новому — это только в радость, но люди должны знать свое место. Пусть тешатся своими газетками, книгами, митингами, но не посягают на основы партийного устройства государства. Удила были подспущены, но не сдернуты с народа. Все системы, которые держат эти удила: партия, КГБ, пресса и телевидение. Тут, справедливости ради, не все получилось по плану, даже более того — совсем двинуло не туда и не так, однако, никогда не поздно отыграть и назад. Благо имеются столь мощные средства воздействия на народ, как нужда, голод, национальное чувство и оживление того самого яда в сознании народа, которым почти век отравляли всех скопом. Ведь не только страх, пуля, лагерь поставили народ на колени, но и яд ленинизма, который проник столь глубоко и всеобъемлюще, что для многих заменил все — даже родственные связи и любовь. Этим можно «гордиться»: в душе почти каждого дремлет (а то и не дремлет) тот человек — из яда и лжи (это уже как бы родовая память).

Та похищенная тетрадь, из главной серии дневников нужна была для работы, и я ее держал около года дома, как и тетради малых, вспомогательных дневников, тоже понадобившихся при выпуске сборника рассказов и повестей «Стужа»,— я восстанавливал в памяти некоторые события четвертьвековой давности.

Я понимал, как неосторожно и опасно вести дневники. Ведь это готовый обвинительный акт против самого себя да еще фактическая выдача своих товарищей. Они с тобой откровенны, а ты записями бесед, спорами в дневнике с их мнениями подставляешь их. Очень подробны, интересны те семь главных дневников-книг, так и не обнаруженных КГБ. Они исключительно подробны, интересны — настоящие документы времени; я бы сказал,— это уже вещи заметной общественной ценности, они уже как бы не принадлежат мне.

С начала 1980-х годов я повел тот последний из главных дневников, который и составил гордый улов Лубянки. В то время я начал выдавать чистовой вариант своего романа «Тайная Россия». Я знал: если гэбэшники что-либо пронюхают о романе — не только мне конец, но и всем родным не сдобровать. Что касается себя, я не обольщался: не будет в таком случае ни суда, ни лагеря. Такую книгу они простить не могут никогда и никому. Я знал: они просто убьют меня, а убийство оформят, скажем, как гибель от разрыва сердца или какого-то удушья... Опыт у них на сей счет богатый. Поэтому последний из главных дневников я вел предельно скупо. Записи чаще всего протокольные, скучноватые, но если бы их стал читать я — дневник сразу бы заговорил. Я лишь схематично обрисовывал события. Такими записями я уже никого не мог подвести в случае своего ареста. Не исключаю, в каких-то записях, когда умирали близкие, я открывался, но опять-таки не выдавая мир друзей, связи, привязанности — это начисто отсутствует в дневнике, но лишь в этом, последнем: я ведь писал тогда «Тайную Россию».

Из этого дневника на Лубянке ничего не узнают, кроме глубины того презрения и ненависти к ним и глубокой обиды за народ, который так и не призовет их к суду за все измывательства и продолже-

ния измывательств. Ведь они преступны с головы до пят своим прошлым и настоящим,— и ничего, продолжают делать свое дело.

При всей боли за утраты дневников я все же испытываю удовлетворение — я никого не подвел. Ибо покуда торчит этот дом на Лубянке, закона на этой шестой части земной тверди нет, это начисто исключено. Это самая развращенная, самая безнравственная и самая преступная организация в истории человечества, перед которой гестапо, СД — просто дети: и по количеству, и по качеству содеянного зла.

Офицер КГБ — это потенциальный и фактический нарушитель советских законов, часто с очень тяжелыми уголовными статьями, если не самыми тяжелыми. Право на эти преступления ему дает коммунистическая доктрина, то самое, знаменитое утверждение Ленина: этично все, что на благо революции. И они проникают в чужие дома, крадут, травят, подстраивают убийства руками уголовников или «под уголовников»— это ведь освящено святыми принципами, их божеством и кумиром — Лениным.

ВЧК-КГБ по всем статьям подходит под определения Нюрнбергского трибунала, учрежденного в 1945 году для суда над главными нацистскими преступниками и фашистскими организациями, признанными преступными (национал-социалистская партия, СС, гитлерюгенд и тому подобные). Весь баланс этой тайной ленинской службы во сто крат перетягивает деяния фашистских преступников, и порой даже затрудняешься, какой мундир на этих офицерах, не черный ли со скрещенными костями по черепу... есть, вернее, была такая эмблема.

Только обстановка бесправия и беззакония, которые царят в нашей стране, дают этой организации почетное гражданство с дополнением в виде совершенной безнаказанности.

Лоб в лоб я встретился с этой благородной службой в ходе избирательной кампании весной 1989 года. Я тогда, наверное, первый в стране включил в свою программу пункт о контроле над деятельностью КГБ и о ее ответственности перед законом. Это была первоочередная задача: разморозить людей, растопить леденящий ужас перед КГБ; без преодоления этого состояния, причем всем обществом, было невозможно движение к свободе, да и само свободное слово. Имелись в моей программе и другие сверхкрамольные пункты (разумеется, по тем временам), например, многопартийность. Тогда требование ее воспринималось как преступление против общества. Я вел кампанию в марте, апреле, мае (я был избран после второго тура голосования). Жили мы с женой тогда на Криворожской, это возле метро «Нагорная»: крохотная однокомнатная квартирка, насквозь проеденная клопами (мы вынуждены были снимать ее, рады были и такой). Гэбэшники посещали ее, наверное, каждый день, стоило нам только уйти. Тогда-то я и столкнулся с их пониманием законности и защиты Отечества.

Я вел кампанию полубольным. Чтобы подкрепить сердце, я прибегнул к внутренним вливаниям рибоксина. Данный препарат я знаю достаточно хорошо. До последних лет на этих препаратах (только в таблетках) тренировалась сборная страны по тяжелой атлетике. Препарат заметно улучшает деятельность сердечно-сосудистой системы, повышая общую выносливость.

Ампулы лежали в упаковке из двенадцати штук. Первые два-три вливания в вену прошли, как и подобает, а вот последующие... Сразу же после инъекции я почувствовал чрезвычайное угнетение сердечной деятельности с такой же внезапной психической подавленностью. Препарат никак не мог дать подобной реакции. Через день повторная инъекция — и опять тот же неприятно-опасный эффект.

Мы с женой стали разглядывать ампулы. Привлекли внимание пустые ампулы самых первых инъекций. Маркировка на стекле держалась крепко, стереть пальцами ее было почти невозможно, и само стекло толстое, крепкое. А вот эти ампулы... Только коснись пальцем, и стекло остается без краски букв, а сами ампулы очень хрупкие, совсем не похожие на те, что были до сих пор.

Я передал коробку для анализа другу — он крупный химик. Выданный им анализ ошеломил! Состав ампул не соответствовал формуле рибоксина. Мой друг выяснил у фармакологов, что это за состав.

Мы приехали, положили коробку на стол и принялись обсуждать новость. После вышли — надо купить хлеб до закрытия магазина. Мы отсутствовали минут двадцать. Когда вернулись, упаковки с ампулами не было. Мы обыскали всю нашу крохотную квартирку: ампулы исчезли. Значит, КГБ вел постоянное прямое прослушивание всего дома, не разговора по телефону, как обычно, а всего дома.

Это было прямое покушение на убийство, замаскированное под сердечный приступ, только растянутое во времени. Я получал бы вливания в вену, и эффект накапливался, пока не вызвал бы сердечный приступ — так объяснил мне врач.

Но... не пойман — не вор, хотя я тогда же рассказал об этом журналистам, и на Западе в журнале «Страна и мир» появилась соответствующая публикация. Все это было настолько дико, что не укладывалось в сознании.

Спустя полтора года КГБ выкрадет из моего дома заграничные паспорта, а после моего обращения к Председателю Верховного Совета СССР Лукьянову произойдут вещи и вовсе диковинные. При возвращении из Голландии (я выезжал на лечение легких) мне вдруг вручат те паспорта, которые я имел для поездки, а с ними те, похищенные, которые я якобы забыл на погранпункте три месяца назад!

А после КГБ просто ограбит мой архив...

Для меня были и есть те, кто служит добровольно в КГБ,— нéлюди. Для них все, кто отрицает марксизм, оспаривает власть КПСС,— лютые враги, в борьбе с ними годятся любые средства: можно подменить лекарство, можно травить легкие (как это они стали делать со мной), можно ограбить квартиру — и это не преступления, это они делают не с людьми, а с врагами. А враги, согласно ленинизму,— не люди, на них не распространяются законы человечности, с ними можно все.

Когда я двадцать лет назад работал над книгой «Особый район Китая», среди документов ко мне попал отчет о работе нашего разведчика, хирурга по профессии. Он рекомендовал устранять неугодных лиц (это пациентов за границей) посредством наборов «лекарств», являющихся ядами, которые своими действиями похоже воспроизводили симптомы болезни, постепенно умерщвляя жертву. Ту жертву, которая обратится к нему за помощью... Рентгеновский аппарат он тоже рекомендовал для смертельного облучения. Я испытал потрясение, ибо знал этого человека, в детстве к нему был привязан.

Какая многопартийность, какие иные убеждения, если в наличии многомиллионная организация для сохранения господства только одной партии, только одной доктрины!!

Ради корыстных целей, ради господства над народом эта организация обезглавила российские народы, ведя истребительную войну против инакомыслия. Она искалечила судьбы великих художников, тра-

вила крупных писателей и просто честнейших интеллигентов, травила гениального Сахарова. Она мучила их, избивала, бросала в тюрьмы на глумление уголовникам. Она сжигала великие рукописи, выталкивала в эмиграцию, изгнание одного за другим сотни, тысячи светлейших умов. Воины с Лубянки делали свое дело исправно, без промашек, да и какие могли и могут быть промашки, когда они имеют дело с беззащитными людьми, открытыми, незащищенными жилищами. Против них всегда — одиночки, а за ними — вся мощь государства с его тотальным оболваниванием печатным словом, телевидением. Они это делали до середины восьмидесятых годов открыто. Еще в 1985 году, якобы спасая Сахарова от смерти в ходе голодовки, подвергли его пытке, вызвав непродолжительный инсульт. Нет, после 1985 года они не оставили свое ремесло, переключившись на полузакрытое подавление того инакомыслия, которое уже становилось реальной угрозой власти нынешних лидеров КПСС и центра. Президент страны горячо заступается за них, повторяя в своих речах о задуманной кампании по дискредитации КГБ, имеющей далеко идущие цели...

Нет, это великий принцип: не пойман — не вор. Любая мораль перед ним — лишь шелест пустых слов.

Для меня воплощением советской власти, ее синонимом являлись всегда ВЧК-КГБ и ВКП(б)-КПСС. Обе организации — сугубо партийные. Одна дополняет другую. Можно без натяжки утверждать, что без ВЧК-КГБ партия не существовала бы. И та, и другая организации, по существу, продолжают свою войну с народом, начатую в конце 1917 года.

Есть уличные эпизоды, в которых вдруг высвечивается глубина общественных сдвигов. В манифестации 24 февраля нынешнего года колонна шествовала к Манежной площади на митинг. Шествие продолжалось уж никак не меньше часа. И все это время часть колонны скандировала в стены роддома, который оказался на пути демонстрантов: «Не рожайте коммунистов!»

Шли новые тысячи — и подхватывали это скандирование, так что оно не стихало возле роддома.

Люди (я не пишу «общество») отвергают диктат КПСС и право распоряжаться судьбой страны. Для них эта власть уже чужая, враждебная. От нее постоянно исходит угроза повторения страшного прошлого.

«Не рожайте коммунистов!» Остается лишь добавить, что за ними, новорожденными коммунистами будущего, всегда будет следовать их КГБ, война которого против народа не затихает с конца семнадцатого. Менялись только вывески на фасадах этого штурмового заведения.

Я думаю, когда приспеет пора, и здание на Лубянке освободится (а такая пора настанет) — будет ошибкой использовать его под какие-либо учреждения, пусть самые благородные. Это здание должно быть разнесено по кирпичику и сгинуть, как сгинула, исчезла из сердца Парижа Бастилия — есть только белая линия на камне площади с обозначением места, где она стояла.

А Бастилии нет. Ее больше не было в истории Франции. Надеемся, настанет время — и исчезнет здание на Лубянке — сама история пыток, уничтожения народов, неподчинение законам морали, глумление над правдой и справедливостью.

И отодвинется в прошлое Великая История Насилий.

12 марта 1991, Москва

Роберт Брюс Локкарт

ВОСПОМИНАНИЯ БРИТАНСКОГО АГЕНТА*

Союзные посольства выехали 28 февраля. На другой день я отправился в Смольный на свою первую встречу с Лениным.

Я чувствовал себя не очень уверенно. Мое положение стало теперь еще более неопределенным, чем когда бы то ни было. Но я принял решение оставаться на своем посту по следующим двум причинам. Во-первых, большевики еще не подписали мирный договор. Они его скорее всего подпишут, но и в этом случае маловероятно, что такой мир окажется долговечным. Это обстоятельство я мог бы при случае использовать. Во-вторых, поскольку большевики находились у власти, мне казалось, что с нашей стороны было бы глупо прекратить с ними все контакты и оставить поле за немцами. Я был убежден, что большевики гораздо сильнее, чем это казалось многим иностранным наблюдателям, и что в стране нет такой силы, которая может отнять у них власть.

В этом, собственно, и заключалось коренное отличие между Уайтхоллом и мной. Официальные круги в Лондоне сходились на том, что большевики будут сметены через несколько недель. Мне же чутье подсказывало, что какими бы слабыми ни были большевики, их деморализованные противники еще слабее. Во все усиливающейся смуте Великая война потеряла теперь всякое значение для всех классов русского общества. До тех пор, пока Германия оставалась нашим главным противником (а на том этапе мало кто из англичан считал большевизм серьезной угрозой западной цивилизации), поощрение гражданской войны ничего нам не давало. Если бы мы встали на сторону противников большевиков, мы поставили бы на слабейшую лошадку и нам пришлось бы привлечь большие силы и средства для достижения даже временного успеха.

Извещая Линдли о своем намерении остаться, я привел ему эти аргументы. У него не было возражений. Поэтому я отослал назад в Англию Фелана и Бирса, которые во вновь сложившейся ситуации не могли мне пригодиться, и просил оставить со мной моего единомышленника Рекса Хора, в чьих советах я нуждался. Он хотел остаться, но

* Продолжение. Начало см. в №№ 2, 3.

Линдли, может быть и справедливо, решил, что, поскольку номинально моя миссия является неофициальной, он не имеет права позволить мне прибегнуть к услугам профессионального дипломата. Он охотно предоставит в мое распоряжение любого служащего, не состоящего в постоянном штате посольства, который выразит на то желание. Из нескольких добровольцев я выбрал молодого кавалерийского капитана Дэниса Гарстина. Он был братом известного романиста и довольно сносно говорил по-русски. Другими оставшимися британскими чиновниками были военно-морской агент капитан Кроми, который решил не допустить, чтобы Балтийский флот попал в руки к немцам, консул Вудхаус, майор Макэллайн и капитан Швабе из миссии генерала Пула, а также несколько офицеров и чиновников из наших разведывательных служб. От меня они были совершенно независимы и отправляли свои сообщения непосредственно в Лондон.

Таким образом после отъезда Линдли я оказался предоставленным самому себе. Более того, путь через Финляндию был теперь закрыт, и на протяжении последующих шести месяцев мне предстояло обходиться без всяких средств связи с Англией кроме телеграфа. Робинс также присоединился к американскому посольству при его переезде в Вологду и сообщил мне по телефону, что посол и его штат, по всей вероятности, выедут на другой день в Америку через Сибирь. Если мне удастся получить хоть какую-нибудь поддержку со стороны Ленина, он останется и сделает все от него зависящее, чтобы убедить американского посла последовать его примеру.

Вот поэтому, когда наутро я отправился в Смольный на встречу с лидером большевиков, у меня щемило сердце. Он принял меня в маленьком кабинете, расположенном на том же этаже, что и кабинет Троцкого. Кабинет был неприбран и лишен какой бы то ни было обстановки за исключением письменного стола и нескольких простых стульев. Это была не только моя первая встреча с Лениным. В тот раз я вообще впервые увидел его. В его внешнем облике не было ничего, что хоть как-то выдавало бы сверхчеловека. Небольшого роста, довольно полный, с короткой массивной шеей, с широкими плечами, круглым красным лицом, высоким лбом интеллектуала, немного вздернутым носом, темно-русыми усами и короткой щетинистой бородкой, на первый взгляд он больше походил на провинциального бакалейщика, чем на вождя. И все же в этих стальных глазах было что-то, что приковало мое внимание. В его вопрошающем, полупрезрительном, полуулыбчивом взгляде читалась безграничная уверенность в себе и своем превосходстве.

Позднее я с очень большим уважением стал относиться к его интеллекту, но в ту минуту меня больше поразили огромная сила его воли, непреклонность и бесстрастность. Он являл собой полную противоположность Троцкому, который также присутствовал на нашей встрече и был на удивление молчалив. Троцкий — весь темперамент, индивидуалист и артист, на тщеславии которого даже я мог играть не без некоторого успеха. В бесстрастии Ленина виделось что-то нечеловеческое. На его тщеславие нельзя было подействовать никакой лестью. Подступиться к нему можно было, лишь обратившись к его чувству юмора, высоко в нем развитому, хотя и носившему сардонический оттенок. На протяжении последующих нескольких месяцев мне надоедали постоянными запросами из Лондона, требуя подтверждения слухов о серьезных разногласиях между Лениным и Троцким — разногласиях, с которыми наше правительство связывало большие надежды. Для того, чтобы ответить, мне хватило этой первой встречи. Троцкий был великим

организатором и обладал незаурядным личным мужеством. Но что касается силы духа, ему было так же далеко до Ленина, как блохе до слона. В Совете комиссаров не было ни одного человека, который не считал бы себя равным Троцкому. И в то же время не было ни одного комиссара, который не считал бы Ленина полубогом, чьи решения должны выполняться неукоснительно. Стычки между комиссарами вспыхивали часто, однако они ни при каких обстоятельствах не задевали Ленина.

Мне вспоминается рассказ Чичерина о том, как обычно проходят заседания советского кабинета. Троцкий выдвигает какое-то предложение. На него яростно обрушивается какой-нибудь комиссар. Идут нескончаемые споры, а в это время Ленин делает пометки в блокноте у себя на коленях, полностью погрузившись в это занятие. Наконец кто-то говорит: «Пусть Владимир Ильич рассудит». Ленин отрывается от работы, одной фразой формулирует решение, и все успокаиваются.

В своей приверженности идее мировой революции Ленин был поиезуитски беспринципен и бескомпромиссен, и в соответствии с его кодексом политической этики для достижения поставленных целей могли использоваться любые средства. По временам, однако, он становился на удивление откровенным, и встреча со мной пришлась как раз на такое время. Он дал мне точную (как показали последующие события) информацию по всем интересовавшим меня вопросам. Совершеннейшая неправда, что мирные переговоры сорвались. Условия заключения мира оказались такими, каких и следовало ожидать от милитаристского режима. Они постыдны, но их придется принять. Назавтра должно состояться их предварительное подписание, а затем договор будет ратифицирован подавляющим большинством партии. Как долго продлится мир? Он не знает. Правительству придется переехать в Москву с тем, чтобы укрепить свою власть. Если германцы попытаются силой установить буржуазное правительство, большевики будут драться, даже если им придется отступить до Волги или до Урала. Но при этом соблюдая свои интересы. Они не собираются таскать каштаны из огня для союзников. Если союзники поймут это, открываются прекрасные возможности для сотрудничества. Англо-американский капитализм почти так же ненавистен большевикам, как и германский милитаризм, но германский милитаризм в данную минуту является непосредственной угрозой. Поэтому он рад, что я принял решение остаться в России. По его распоряжению мне будут созданы все условия, моя личная безопасность, насколько это в его власти, будет гарантирована, и кроме того, я смогу беспрепятственно покинуть Россию тогда, когда пожелаю. Но вероятность сотрудничества с союзниками представляется ему весьма проблематичной...

— Мы — не то, что вы,— сказал он.— Мы можем себе позволить пойти на временное соглашение с капиталом. Это даже необходимо, поскольку, если капитал объединится, мы будем раздавлены уже на этом этапе своего развития. К счастью для нас, природа капитала такова, что объединиться он не может. Поэтому до тех пор, пока существует германская угроза, я готов пойти на сотрудничество с союзниками, которое на какой-то период времени будет выгодно и вам и нам. В связи с возможностью германской агрессии я даже заинтересован в том, чтобы получить от вас военную помощь. И в то же время я совершенно убежден, что ваше правительство не способно смотреть на вещи под этим углом зрения. Это — реакционное правительство. Оно будет сотрудничать с русскими реакционерами.

Я выразил обеспокоенность, что теперь, когда есть уверенность в

том, что мир будет заключен, немцы смогут бросить все свои силы на Западный фронт. Не исключено, что тогда они сумеют разбить союзников. Что же в этом случае станется с большевиками? А еще более серьезная опасность кроется в том, что Германия получит возможность накормить свое голодающее население хлебом, насильно вывезенным из России.

Ленин улыбнулся:

— Как и все ваши соотечественники, вы мыслите конкретными военными категориями. Вы упускаете психологический фактор. Исход этой войны решится в тылу, а не в окопах. Но даже если встать на вашу точку зрения, доводы ваши неубедительны. Германия давным-давно перебросила лучшие свои части на Западный фронт. После заключения этого грабительского мира ей придется держать на Востоке больше, а не меньше сил, чем сейчас. Относительно же того, что она получает возможность вывозить из России припасы в больших количествах, вам также не следует беспокоиться. Пассивное сопротивление — а это выражение родилось в вашей стране — более мощное оружие, чем лишенная боеспособности армия.

В задумчивости я вернулся домой и обнаружил там пачку телеграмм из Министерства иностранных дел. Все телеграммы были проникнуты недовольством. Как же я мог настаивать на том, что большевики не являются прогерманскими элементами, в то время как они намерены без единого выстрела отдать Германии половину России?! Содержался в них также и резкий протест против деятельности Литвинова в Лондоне. Мне следует немедленно предупредить большевистское правительство о нетерпимости его поведения.

Не успел я приняться за изложение смысла этого протеста на русском языке, как раздался телефонный звонок. Звонил Троцкий. Ему сообщили, что японские войска готовятся к высадке в Сибири. Что, по моему мнению, следует предпринять в данном случае, и как следует понимать мою миссию перед лицом столь открытого акта враждебности? Я выразил сомнение в достоверности его информации и снова уселся за письменный стол. Мой слуга принес еще одну телеграмму. Эта телеграмма была от Робинса, который советовал мне приехать в Вологду. Я дозвонился ему по телефону, сказал, что намерен следить за развитием событий, оставаясь в Петербурге до последнего, и попросил его сообщить своему послу о японском недоразумении. Японская интервенция в Сибири положит конец всякому взаимопониманию с большевиками. Ведь элементарный здравый смысл казалось бы должен был указать на то, что смешно пытаться восстановить таким образом Восточный фронт против Германии. И последним ударом этого ошеломляющего дня стала телеграмма от жены. Иносказательно, но недвусмысленно, жена сообщила мне, что мои усилия не встречают симпатии в Лондоне. Мне следует быть осторожным, иначе это может плохо для меня кончиться.

Лондон никак не отреагировал на мое решение остаться в России после отъезда Линдли. Из того, что Министерство иностранных дел продолжало засыпать меня телеграммами, я заключил, что оно молчаливо примирилось с создавшимся положением. Я понемногу проникся жалостью к самому себе, что лишь укрепило меня в моем упрямстве. Что-что, а жребий мне достался не из легких. С такими мыслями я улегся в постель с жизнеописанием Ричарда Бартона. Худшее чтение в ту минуту вряд ли можно было найти. Бартон всю жизнь боролся с Уайтхоллом, и последствия этой борьбы оказались для него самыми гибельными.

Жизнь в Петербурге той поры была штукой странной. Большевики еще не преуспели в наведении того железного порядка, который характеризует их нынешний режим. Да они собственно и не ставили это тогда своей целью. Террор еще не был развязан, и население не очень боялось своих новых владык. Продолжали выходить газеты, яростно нападавшие на политику большевиков. Горький, редактировавший «Новую жизнь», особенно отличился тогда в разоблачении людей, которым сегодня он так беззаветно предан. Буржуазия, все еще уверенная, что немцы поставят большевистский сброд на место, была гораздо более оживленной, чем этого можно было ожидать в столь тревожных обстоятельствах. Население голодало, но у богатых по-прежнему водились деньги. Работали рестораны и кабаре, и уж во всяком случае, в кабаре всегда было людно. Вдобавок, по воскресным дням мы могли наблюдать из своих окон рысистые бега и с удивлением сравнивать прекрасных ухоженных лошадей с заморенными извозчичьими клячами. Единственную реальную угрозу для жизни людей представляли в то время не большевики, а анархисты — банды, состоявшие из грабителей, бывших армейских офицеров и авантюристов, которые захватили часть лучших зданий города и, вооружившись винтовками, ручными гранатами и пулеметами, по-разбойничьи правили столицей. Они из-за угла высматривали свои жертвы и, нападая на них, не останавливались ни перед чем. Личность жертвы также не имела для них никакого значения. Однажды вечером ими был задержан ехавший из Смольного в центр города Урицкий, который вскоре стал председателем Петербургской ЧК. Бандиты выбросили его из саней, сорвали с него всю одежду и оставили голым посреди улицы. Ему еще повезло, что он остался целым и невредимым. Отправляясь на улицу вечером, мы никогда не ходили поодиночке, каким бы коротким ни было расстояние. Мы шли только посередине улицы, всегда держа палец на спусковом крючке пистолета в кармне пальто. По ночам в городе не прекращалась беспорядочная стрельба. Большевики, казалось, были совершенно не в силах совладать с этой напастью. Ведь они сами годами кричали о том, что царизм душит свободное волеизъявление народа. В то время они еще не развязали свою кампанию удушения.

Я упомянул здесь о сравнительной терпимости большевиков, чтобы подчеркнуть, что жестокости, имевшие место впоследствии, были результатом нарастания гражданской войны. И большая доля ответственности за усиление этой кровавой борьбы лежит на союзниках, начавших интервенцию и породивших несбыточные надежды. Я не хочу сказать, что политика невмешательства во внутренние дела России могла бы изменить ход большевистской революции. Я говорю лишь о том, что наша интервенция способствовала усилению террора и кровопролития.

В субботу 3 марта русская делегация подписала в Бресте мирный договор, а на другой день было объявлено о созыве 12 марта Съезда Советов в Москве для его формальной ратификации. Одновременно большевики объявили о формировании нового Высшего военного совета и издали указ о вооружении всего народа. Председателем этого нового Совета был назначен Троцкий, а его место в Наркомате иностранных дел занял Чичерин.

Я виделся с Чичериным после его возвращения из Бреста. Он был угнетен и поэтому настроен дружелюбно. Он сказал мне, что продиктованные немцами условия мира породили в России негодование, подобное тому, какое пережила в 1870 году Франция, и что теперь наступил самый благоприятный момент для проявления солидарности со стороны союзников. Этот мир России навязан, и она нарушит его как только

соберется с силами. Так считали все без исключения комиссары, с которыми я разговаривал.

Поскольку правительству предстояло теперь выехать из Петербурга, я спросил Чичерина, какие меры будут им предприняты для размещения моей миссии в Москве. Тот, как всегда, ограничился туманными обещаниями. Поэтому я направился к Троцкому, который, когда был в настроении, умел решать вопросы, и притом быстро. Он пребывал в приподнятом настроении. Он уже вошел в свою новую роль. Чуть ли не за ночь он превратился в воинственного полководца. Ратификация там, или нератификация, а война неизбежна. Когда в узком кругу собрались большевистские лидеры для принятия решения о ратификации, он при голосовании воздержался. Он не собирается присутствовать при формальной ратификации в Москве. Он остается в Петербурге еще на неделю и будет рад, если я составлю ему компанию. Мы выедем вместе, а в Москве он сам позаботится о моем устройстве...

Предпочтя энергичность Троцкого нерешительности Чичерина, я принял приглашение.

Если не считать неприятностей, связанных с японской интервенцией, при всяком упоминании о которой в глазах у Троцкого загорался зловещий огонь (эта интервенция, кстати, никак не повлияла на русскую буржуазию, имевшую все основания считать ее для себя бесполезной), последнюю неделю в Петербурге я провел не без приятности. Я каждый день виделся с Троцким, но другой работы у меня почти не было. К тому же, стояла прекрасная погода, и мы довольно весело проводили время с нашими русскими друзьями.

Именно тогда я в первый раз встретился с Мурой*. Она была старинной приятельницей Хикса и Гарстина и часто приходила к нам в гости. Ей было тогда двадцать шесть лет. Русская из русских, она с величайшим презрением смотрела на мелочи жизни и ни в чем не ведала страха. Отличалась незаурядным здоровьем, и видимо поэтому от нее исходила кипучая энергия, заражавшая всех окружающих. Любовь была ее миром, и она достаточно знала жизнь, чтобы всегда оставаться хозяйкой своей судьбы. Аристократка, она могла бы быть и коммунисткой. Но ни за что не могла бы стать буржуазкой. Впоследствии ее имени суждено было соединиться с моим в последнем акте драмы, пережитой мною в России. В те первые дни нашего знакомства в Петербурге я был слишком озабочен, слишком носился со своей значимостью, и лишь иногда думал о Муре. Я видел в ней очень привлекательную женщину, беседа с которой скрашивала повседневную рутину. Наш роман начался позднее.

Кроми, наш военно-морской агент, тоже входил в число ее друзей, и в честь дня его рождения Мура пригласила нас всех на небольшой завтрак. Это было на масленицу, и мы без счета ели блины и пили водку. На каждого из гостей я состряпал вирши, а Кроми произнес одну из своих комических речей. Мы провозглашали тосты за хозяйку и без умолку хохотали. Для каждого из нас эти часы стали чуть ли не последним безмятежным временем в России.

Из четырех англичан, приглашенных на тот завтрак, в живых остался только я. Кроми погиб, мужественно защищая посольство от вторжения большевиков. Бедняга Дэнис Гарстин, с юношеским пылом работавший во имя достижения взаимопонимания с большевиками, был распоряжением военного министерства отозван в Архангельск, где его

* Мария Игнатьевна Бенкендорф (1892—1974), урожденная Закревская, впоследствии баронесса Будберг.

сразила большевистская пуля. Уилл Хикс, которого все называли Хикки, умер от туберкулеза легких в Берлине весной 1930 года.

Тих был Петербург в ту последнюю неделю. Никогда не казался он мне столь прекрасным, а пустынные улицы лишь прибавляли ему очарования.

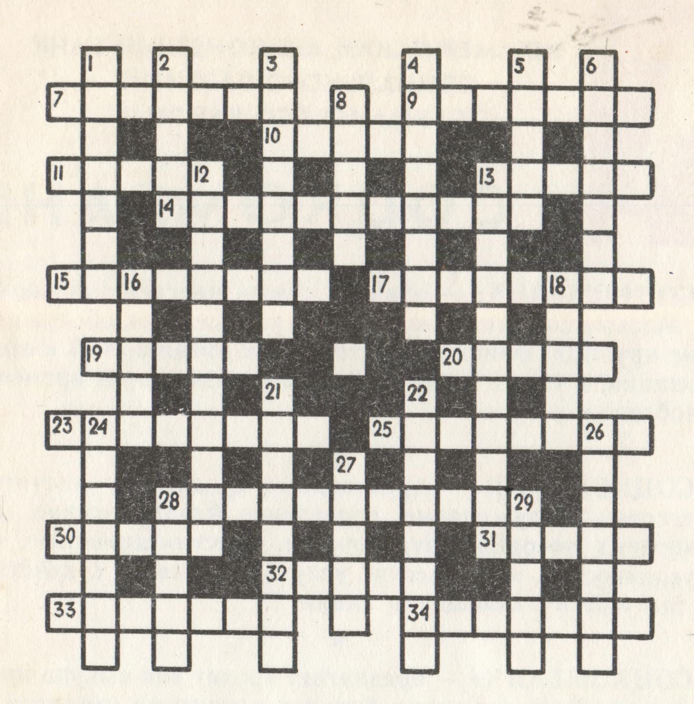
Центр тяжести перемещался теперь в Москву. Ленин выехал туда 10 марта. И только 15 марта Троцкий сообщил мне, что мы отбываем наутро. Его только что назначили Наркомвоеном. В ту самую минуту, когда было объявлено об этом назначении, открылся Съезд Советов, которому предстояло ратифицировать мир, и Ленин давал ответ одному из своих воинствующих критиков: «Один дурак может за минуту задать столько вопросов, что десяток умников и за час не ответит».

Оставив наиболее тяжелую часть своего багажа в посольстве, мы поднялись на другое утро в семь часов, а к восьми прибыли в Смольный, где до десяти были вынуждены ждать, пока уложат багаж Троцкого. Большую часть того дня мы провели на станции, бездельничая на солнышке и наблюдая за погрузкой семи сотен латышей, составлявших преторианскую гвардию новоявленного красного Наполеона. Это была мрачная команда, но дисциплина в ней была поставлена отменно. Скуку нашего долгого ожидания скрашивали россказни Билла Шатова. Этот мерзавец, отличавшийся жизнерадостностью и остроумием, провел несколько лет в эмиграции в Нью-Йорке и имел большой запас истсайдских анекдотов. Большинство их касалось России или русских, к которым он, несмотря на свои коммунистические убеждения, относился с некоторым презрением. Внешний вид Шатова был еще комичнее, чем его байки. Похожий на боксера в весе пера, он поверх своей обычной одежды и полушубка напялил еще и комбинезон, а увенчал эту конструкцию большой английской клетчатой кепкой. Вдобавок по бокам у него свисали два огромных револьвера. В целом Билл являл собой нечто среднее между вооруженным бандитом и пухленьким джентльменом с рекламы мишленовских шин.

Наконец, к четырем часам прибыл неотразимый в своем хаки Троцкий. Мы приветствовали его, пожали друг другу руки, и он лично сопроводил нас в наши купе. Нам отвели два купе, и поскольку нас вместе с двумя нашими русскими слугами было всего шесть человек, это было более чем щедро при переполненном поезде. Мы ехали одни, но при подъезде к Любани получили приглашение Троцкого пообедать с ним.

Этот обед я буду помнить до конца своих дней. Мы сидели во главе длинного стола в станционном ресторане. Я — по правую руку от Троцкого, а Хикс — по левую. Еду нам подали простую, но хорошую: наваристые щи, телячьи отбивные с жареным картофелем и солеными огурцами, а также огромный торт и, кроме того, пиво, и красное вино, но Троцкий пил только минеральную воду. Он был в благодушнейшем расположении и выказал себя прекрасным хозяином. Множество людей, разинув рот, молчаливо наблюдали за нашей трапезой. Казалось, вся округа собралась, чтобы взглянуть на человека, который дал России мир, а затем отказался от него. В конце обеда я официально поздравил его с назначением военным министром, а он ответил, что еще не принял этот пост и не примет его до тех пор, пока Россия не начнет сражаться. Мне показалось, что, говоря это, он был искренен. Почти в ту же минуту вошел начальник станции и протянул ему телеграмму из Москвы, в которой сообщалось о том, что Съезд Советов ратифицировал мир подавляющим большинством.

Перевод с английского ЕВГЕНИЯ КОНЕНКИНА

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Насекомое. 9. Резной камень с углубленным изображением. 10. Одна из основных физических характеристик материи. 11. Русская дометрическая мера дров. 13. Глава, руководитель политической партии. 14. Взаимосвязь, согласование. 15. Воинская часть, расположенная в населенном пункте. 17. Отрасль народного хозяйства. 19. Персонаж оперетты И. Кальмана «Сильва». 20. Оптическое стекло. 23. Отклонение от нормы. 25. Лицо, облеченное неограниченной властью в управлении государством. 26. Вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся изучением формы и содержания юридических актов. 30. Старинная английская монета. 31. Сооружение для ремонта и хранения летательных аппаратов. 32. Дальневосточная сельдь. 33. Кондитерское изделие. 34. Жанр народно-поэтического творчества.

По вертикали: 1. Вид декоративно-прикладного искусства. 2. Водовод, применяемый в гидроэнергетике. 3. Прибор, используемый при настройке музыкальных инструментов. 4. Звуковой объем певческого голоса. 5. Муза, покровительница комедии. 6. Природное тело, приблизительно однородное по химическому составу и физическим свойствам. 8. Химический элемент, металл. 12. Надбавка к обусловленной в договоре цене товара, если его качество окажется выше. 13. Наука о языке. 16. Ковбойский спорт. 18. Официальное посещение. 21. Плоская кривая, описываемая точкой окружности, катящейся по неподвижной прямой. 22. Государственная религия в Японии в период с 1868 по 1946 гг. 24. Питье. 26. Вид обработки ювелирного камня. 27. Один из Алеутских островов. 28. Совокупность декоративных элементов. 29. Стихотворение А. Пушкина.
